СЛУЖУ РОССИИ!
КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ГОРЯЧИЕ ВЕТРЫ

Книга современной военной прозы и публицистики

Служу России!

Коллектив авторов

Горячие ветры

«Горизонт»

2016

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)

Коллектив авторов

Горячие ветры / Коллектив авторов — «Горизонт», 2016 — (Служу России!)

В книгу «Горячие ветры» вошли произведения авторов, пишущих на военную тему в жанрах прозы и публицистики, в разное время прошедших военную службу в Вооружённых Силах и других силовых структурах. Произведения охватывают период со второй половины 18-го века до наших дней. В них рассказывается и о героических страницах истории Российской (Советской) Армии, и о повседневной деятельности Вооружённых Сил. Книга рассчитана на широкий круг читателей: от юношества до ветеранов Великой Отечественной войны и участников локальных вооружённых конфликтов, от любителей приключенческой военной литературы до профессиональных филологов и литературных критиков. Произведения из книги могут быть использованы в качестве учебного материала в школах при изучении истории, русского языка и литературы, а также для подготовки уроков мужества и патриотизма в образовательных учреждениях.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)

© Коллектив авторов, 2016
© Горизонт, 2016

Содержание

Александр Маргелов, полковник в отставке 7
Огненные дороги отца 8
Владимир Крупин, майор в отставке 25
Полковник-паломник 26
Игорь Нехамес, капитан запаса 32
И собаки защищали Москву 33
Сила ненависти 41
Сергей Петров, подполковник юстиции запаса 54
Связь 55
Владимир Силкин, полковник в отставке 61
«Окрасился месяц багрянцем…» 63
Николай Стародымов, подполковник запаса 67
Агитрейд: иранская граница 68
Александр Махнев, полковник в отставке 81
Кофе по-польски 82
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Горячие ветры. Книга современной военной прозы и публицистики Составитель Владимир Александрович Силкин

Книга посвящается 75-й годовщине победы в битве под Москвой и 120-летию со дня рождения маршалов Советского Союза Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского

Некоммерческое литературно-художественное издание

Издатель Витюк Игорь Евгеньевич
г. Пушкино Московской области

При оформлении обложки использованы фотографии из сети Интернет, в том числе: с сайта RusVesna.su (фото СУ-3 °СМ в Сирии), информационных агентств REUTERS (фото г. Грозного времён Чеченской войны) и ИТАР-ТАСС (война в Афганистане, автор – Георгий Надеждин), а также – фотокорреспондента Великой Отечественной войны Максима Альперта (комиссар, поднимающий подразделение в бой).

Александр Маргелов, полковник в отставке

Александр Васильевич Маргелов – прозаик. Родился 21 октября 1945 года в г. Кишинёве. В 1970 году окончил ракетный факультет МАИ и поступил на работу инженером в Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ) в подмосковном Калининграде (ныне город Королёв). С 1971 года – на службе в Советской армии (ВДВ), до 1980 года – в Научно-техническом комитете Воздушно-десантных войск. Окончил экстерном Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище и Военную академию бронетанковых войск. Работал главным экспертом управления Государственной компании «Россвооружение».

Полковник в отставке. Герой Российской Федерации. Руководитель «Фонда содействия войскам специального назначения и ВДВ имени Героя Советского Союза, генерала армии В.Ф. Маргелова». Награждён орденами Красного Знамени и Красной звезды, многими государственными и ведомственными медалями. Лауреат премии Дружбы народов «Белые журавли России» с вручением одноименного ордена. Член Союза писателей России.

Скончался 19 июля 2016 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Огненные дороги отца
Документальная повесть

Ещё при жизни генерала армии В.Ф. Маргелова называли «Человек-легенда», «Десантник № 1». Люди, которые служили под его командованием, именовали себя «маргеловцами», а аббревиатура Воздушно-десантных войск – ВДВ, и по сей день расшифровывается как «Войска Дяди Васи». Патриот, человек отважный, дерзкий, прямой, заботливый командир, талантливый военачальник, способный на поступки на основе чести, всегда готовый к самопожертвованию…

Именно ему принадлежит честь и слава создания непревзойдённых Воздушно-десантных войск. Участник пяти войн, как он сам говорил, Василий Филиппович всей душой войну ненавидел, рассказывал о ней редко и скупо. Зато фильмы про войну любил – усаживаясь перед экраном телевизора, признавался: «Люблю войну в кино смотреть!»

* * *

В ноябре 1943 года части 2-й гвардейской армии, разгромив фашистские полчища на подступах к Днепру и в Левобережной Украине, вышли к Днепру. Однако из-за больших потерь в личном составе, недостатка хорошо обученного пополнения, постоянного отставания корпусной и армейской артиллерии, а также армейских тылов, форсировать с ходу Днепр частям и соединениям армии не удалось. В этой сложной обстановке командующий 4-м Украинским фронтом генерал Ф.И. Толбухин отдал приказ 2-й гвардейской армии перейти к обороне на фронте Екатериновка, Каховка, Британы, Казачьи Лагеря, Алешкин, Збурьевка и далее по побережью Чёрного моря и подготовке к освобождению Правобережной Украины. Задача перед гвардейцами стояла весьма серьёзная, так как они не должны были ни в коем случае допустить форсирования Днепра противником и высадки его десантов в тыл нашим войскам и на берег моря. Для усиления войск приказом командующего фронтом армии передавался 1-й гвардейский и 116-й укрепленные районы. Полным ходом развернулось строительство оборонительных рубежей.

С выходом к Днепру обеспеченность советских войск материальными средствами, особенно боеприпасами, значительно снизилась. Из-за осенней распутицы и бездорожья машины с боеприпасами либо завязали в глубокой грязи, либо стояли без горючего. Сильно отстали и артиллерийские части, тылы растянулись на десятки километров. Советские воины рыли окопы и траншеи, сооружали дзоты и блиндажи, готовились дать фашистам достойный отпор.

А угроза со стороны фашистов оставалась реальной. Особенно беспокоил советское командование Херсонский укреплённый плацдарм на левом берегу Днепра в районе озера Вчерашнее. Нашему командованию стало известно, что Гитлер приказал своим воякам удерживать этот плацдарм любой ценой. Более того, 13 ноября фашисты высадили десант на Кинбургской косе и, закрепившись на ней, пытались контролировать воды Днепровского и Бугского лиманов, ведущих в Николаев и Херсон.

Со 2 по 4 декабря развернулись сильные бои в низовьях Днепра по ликвидации Херсонского плацдарма и укреплений фашистов на Кинбургской косе силами 13-го гвардейского стрелкового корпуса и 2-го гвардейского механизированного корпуса. Гвардейцам 3-й стрелковой дивизии в боях за ликвидацию Херсонского плацдарма пришлось сражаться против противника в плавнях сухопутья, рукавов и проток Днепра. А стоял уже декабрь, и советским солдатам, с боями продвигавшимся по заболоченной местности, приходилось то и дело принимать холодные, в полном смысле этого слова, ванны. Но гвардейцы в этих тяжёлых боях

прорывали одну за другой линии фашистской обороны, прижимали противника к реке и уничтожали. Большую помощь в этих боях оказывала «матушке пехоте» артиллерия. На одном из совещаний командующий 2-й гвардейской армией генерал Г.Ф.Захаров сказал командующему артиллерией генералу Стрельбицкому: «Устройте мне здесь настоящий артиллерийский обмолот противника!»

И артиллеристы свою задачу выполнили блестяще. Демонстрируя высокое огневое мастерство, они на отдельных участках создавали такую высокую плотность огня, что буквально сметали с лица советской земли целые фашистские части, засевшие в обороне.

Здесь, в этих боях, отлично проявили себя воины самых различных родов войск и специальностей. Так, например, химики полковника А.Т. Бабаяна умело провели задымление вражеских позиций. Под прикрытием дымовой завесы наши части ринулись вперёд и сбросили остатки частей 4-й горнострелковой дивизии фашистов в ледяные воды Днепра.20 декабря нашими войсками были одержана ещё одна блестящая победа: сильно укреплённый Херсонский плацдарм прекратил своё существование.

Гвардейцы блестяще завершили год упорных боёв за освобождение советской земли. Начав героические бои у стен Сталинграда, они высоко пронесли свои победные знамёна сквозь пламя сражений на реке Мышкова и «Миус-фронте», в Донбассе и на Молочной. За год боёв гвардейцы 2-й армии освободили 2500 населённых пунктов и вызволили из фашистской неволи сотни тысяч советских людей. Пройдя от Волги до Днепра две тысячи огненных километров, гвардейцы-богатыри очистили от врага 125 тысяч квадратных километров родной земли.

Теперь, после ликвидации Херсонского плацдарма и херсонских предмостных укреплений противника, создались предпосылки к форсированию Днепра и освобождению Херсона.

Далее рассказывает сам Василий Филиппович Маргелов. «В войсках 3-й гвардейской стрелковой дивизии полным ходом развернулась подготовка к форсированию Днепра. Я целыми днями находился в частях, организовывая подручные средства для переправы, обучая воинов действиям в ходе форсирования широкой водной преграды, каковой являлся Днепр. И вдруг меня вызвали в штаб армии. То, что я услышал от командующего, оказалось для меня большой неожиданностью. 2-я гвардейская армия получила боевой приказ Верховного Главнокомандующего ударом из Кула прорвать оборону противника на Перекопском перешейке, главными силами овладеть городом Армянск и к исходу первого дня операции выйти на рубеж южнее Суворово, Караджанай; к исходу второго дня – на рубеж южнее Заливная, озеро Янгул; в последующем развивать наступление во взаимодействии с соседней 51-й армией, наступавшей с плацдарма на Сиваше, уничтожить перекопскую группировку противника в районе города Ишунь и к исходу четвёртого дня выйти на рубеж реки Чатырлак.

Советское Верховное Командование придавало большое значение Крымской операции, и поэтому координирование действий сухопутных и военно-морских сил в ходе её осуществляли Маршалы Советского Союза А.М. Василевский и К.Е. Ворошилов. В авангарде наступающих на Крым войск шёл 13-й гвардейский стрелковый корпус генерала П.Г.Чанчибадзе. И, откровенно говоря, я считал, что меня, заместителя командира 3-й гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в 13-й гвардейский стрелковый корпус, вызвали для постановки боевой задачи по прорыву обороны на Перекопском перешейке и боям в Крыму. Однако я услышал совсем другое: приказом командующего фронтом я назначался командиром 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Признаться, я несколько растерялся, услышав приказ о столь высоком для меня, тридцатипятилетнего полковника, назначении. Всего какой-то год назад был подполковником – командиром полка под Сталинградом… От командующего фронтом, видимо, не укрылось то, что творилось в те мгновения в моей душе. И он, как бы поддерживая меня, крепко пожал руку и сказал:

– Командование фронтом, как и командование армией, считает, что вы, товарищ Маргелов, будете достойным командиром 49-й гвардейской и под вашим командованием она одержит ещё не одну победу! Готовьтесь к форсированию Днепра и взятию Херсона!

– Служу Советскому Союзу! – только и смог от волнения произнести я».

Чуть больше двух месяцев выпало полковнику Маргелову исполнять должность (ИД) командира 3-й стрелковой гвардейской дивизии, а теперь новый поворот в его боевой биографии – ИД командира 49-й… В мае 1944 года приставка «ИД» к его должности была убрана.

* * *

В начале марта 3-я гвардейская дивизия находилась в обороне и занимала по фронту огромный участок почти, что в 70 километров. Знакомясь с личным составом дивизии, полковник Маргелов – новый командир дивизии отметил, что хотя гвардейцы и «сидели» в обороне довольно продолжительное время, однако настроение у них было наступательное. Все понимали: раз вышли к Днепру, значит, оборона-дело временное, впереди их ждёт наступление.

Форсирование водного рубежа – всегда задача не из лёгких. А тут перед гвардейцами простирался широкий и величавый Днепр. Противоположный берег его, изобилующий высотами и кручами, фашисты сильно укрепили. Переправиться через широченный Днепр, а затем ещё и прорвать сильно укреплённую оборонительную полосу немцев – эта задача по плечу только закалённым в боях воинам. А дивизия в этот период была укомплектована в основном пополнением из бывших оккупированных районов, ранее в армии не служившем. Поэтому первое, на что комдив В.Ф. Маргелов обратил внимание при подготовке личного состава дивизии к форсированию Днепра – это научить солдат преодолевать водные преграды, умению прорывать оборону противника.

Занятия по боевой подготовке командир дивизии приказал проводить в условиях, максимально приближенных к реальным. Днём и ночью бойцы учились в днепровских плавнях, как вязать плоты, как грузить на них технику, как вести огонь с лодок и других плавучих средств. По его приказу широко практиковалась подготовка к форсированию Днепра и последующим действиям на макетах местности. Комдив добивался, чтобы буквально каждый боец знал свою задачу при форсировании и в бою.

Немцы, предвидя вероятность форсирования нашими войсками Днепра, взорвали, сожгли или вывезли всё, что могло быть использовано для переправы. Поэтому для подготовки переправочных средств в ход пошло всё, что было под рукой. Плоты вязались из брёвен, досок, порожних снарядных ящиков, а иногда и просто из вязанок камыша, которого в днепровских плавнях было хоть отбавляй.

Особую смекалку проявил полковой инженер 144-го гвардейского полка гвардии капитан-инженер Константин Жуков, ранее отличившийся при подрыве железнодорожного моста у Херсона. Ему предстояло переправлять полковые артиллерийские орудия, а пушка – это не пулемёт, её на камышовом плотике не переправишь. И тогда капитан Жуков предложил делать плоты под орудия из бочек из-под горючего. Плоты получились на славу! Во время форсирования они не тонули, даже когда их дырявили осколки и пули.

Также по приказу командира дивизии В.Ф. Маргелова каждым полком было проведено тренировочное форсирование озера в районе села Костогрызово, которое по своей ширине не уступало Днепру. Да и местность здесь, изобилующая высотами и оврагами, была во многом сходна с местностью на правом берегу Днепра, где немцы создали мощную полосу обороны.

Большую партийно-политическую работу в период подготовки к форсированию Днепра и освобождению Херсона провели партийные и политические органы дивизии во главе с недавно прибывшим в соединение гвардии полковником Миролевичем.

Партийно-политическая работа в дивизии проходила в соответствии с поставленными перед гвардейцами задачами. Благодаря усилиям политработников во всех стрелковых ротах были созданы полнокровные партийные организации. Пополнение рядов партийных организаций шло главным образом за счёт приема в ряды ВКП(б) отличившихся в бою солдат, сержантов, офицеров. За это время было принято в члены ВКП(б) 157 человек.

Одной из лучших партийных организаций дивизии была партийная организация 147-го гвардейского стрелкового полка. Её возглавлял смелый и отважный офицер – политработник гвардии майор Рыжков. Он вёл постоянную работу с парторгами рот и батальонов за увеличение рядов партийцев в подразделениях, прилагал большие усилия для улучшения партийно-политической работы перед наступлением. И его энергичная деятельность дала впоследствии положительные результаты. Отец вспоминал, что в ходе боев за Херсон коммунист Рыжков не раз личным примером увлекал бойцов на подвиги.

Большую пропагандистскую работу проводила в войсках дивизии газета 49-й гвардейской стрелковой дивизии «Гвардеец». Она постоянно помещала на своих страницах корреспонденции, репортажи и очерки о лучших бойцах, их боевых подвигах.

В начале марта 1944 года комдивом был получен боевой приказ командующего армией на форсирование Днепра и взятие Херсона. Однако командование фронта и Ставки, учитывая, что фронт наступления дивизии слишком велик, указало: «…форсировать по мере возможности». Вспоминая те дни, отец рассуждал: «Но что значит «…по мере возможности». Мне было известно, что ранней весной 1944 года Красная Армия на всех главных стратегических направлениях разворачивала крупномасштабные наступательные операции. В том числе и наш 3-й Украинский фронт. И если командование приказывало наступать, хотя и «…по мере возможности», то я, как командир дивизии понимал, что надо сделать всё невозможное – форсировать Днепр – на то мы и гвардейцы!»

Командир дивизии вместе с начальником штаба дивизии гвардии полковником Валерием Фёдоровичем Шубиным, командирами полков – гвардии полковником Андреем Григорьевичем Лубенченко, гвардии полковником Михаилом Егоровичем Прокоповичем, гвардии подполковником Тюриным Андреем Ивановичем, командиром артполка гвардии подполковником П.К. Федорковым – самым тщательным образом изучали обстановку, не раз ездили на рекогносцировку. В эти дни активизировали свою деятельность разведчики. Однако им долго не удавалось взять «языка». Два раза разведчики пытались пробраться через Днепр, но фашисты, засевшие в прибрежных кручах, беспрерывно освещая в ночное время хрупкий приднепровский лёд ракетами, срывали все попытки наших разведчиков добыть «языка». Время шло, а одна разведгруппа за другой возвращались домой с задания промокшие с ног до головы, так и не сумев добыть столь необходимые сведения.

Тогда комдив приказал очередную группу возглавить гвардии сержанту Ноговицину. Разведывательную задачу ему и его группе полковник В.Ф. Маргелов ставил лично. Разъяснил, что от успеха группы будет зависеть и успех дивизии. Уяснив задачу, Ноговицин без лишних слов коротко ответил:

– Задание принято, «язык» будет доставлен!

– Не слишком ли вы самоуверенны, товарищ сержант? – усомнился начальник политического отдела полковник Миролевич.

И действительно, глядя на этого невысокого, хрупкого бойца с обветренным лицом и воспалёнными от бессонных ночей глазами, вряд ли можно было подумать, что за его плечами десятки дерзких и успешных разведывательных поисков.

– Хлопец он хоть и не видный, зато сердце у него – львиное! – заступился командир дивизии за гвардейца.

И не напрасно. Своё слово разведчики сдержали благодаря отваге и находчивости командира группы сержанта Ноговицина. Скрытно подобравшись к переднему краю противника,

Ноговицин и его бойцы целых четыре часа вели наблюдение за оборонительными позициями фашистов. Детальное изучение противоположного берега показало, что оборона противника состоит из отдельных огневых точек, связанных между собой ходами сообщения. Когда ночь опустилась на землю, сержант Ноговицин приказал своим бойцам по-пластунски преодолеть набухший прогибающийся лед Днепра и первым пополз к противоположному берегу.

Переправа группы прошла настолько скрытно, что немцы даже не шелохнулись. В прибрежном откосе разведчики отыскали ложок, по нему поднялись в гору и вышли к дороге. Здесь разведчики обнаружили фашистский пост. Сориентировавшись на местности, сержант Ноговицин решает осуществить дерзкий план. На наших разведчиках были одеты трофейные плащ-палатки, и сержант-гвардеец решил воспользоваться этим. Он построил своих бойцов в колонну и повёл их прямо по дороге к немецкому посту. Фашисты никак не могли предположить, что на их участке могут появиться советские разведчики, и подпустили бойцов сержанта Ноговицина вплотную. А этого гвардейцам только и надо было.

Появление наших разведчиков возле самого немецкого поста было настолько неожиданным, что фашисты не успели даже открыть огонь. Меткими выстрелами гвардейцы четырёх из них уложили наповал, а унтер-офицера захватили в плен. Умело обеспечив отход и прикрытие группы, сержант Ноговицин без потерь переправился через Днепр и доставил долгожданного «языка» в штаб дивизии.

Из показаний пленного стало известно, что немецкое командование потребовало от херсонской группировки войск защищать свои позиции до последнего солдата. Немецкие части и подразделения, занимающие оборонительные позиции по днепровским берегам севернее и южнее Херсона, а также в самом Херсоне, находятся в состоянии повышенной боевой готовности. В особенности сильные укрепления немцы создали в самом городе, использовав для них все постройки, а также жилые дома, из которых они силой выселили всех людей, не считаясь с тем, что под пронизывающим мартовским ветром и дождём оказались тысячи женщин, детей, стариков. Бойцы дивизии, да и сам комдив, не раз слышали доносившиеся из-за Днепра лающие голоса немецких солдат, выстрелы и стоны мирных советских людей. Это фашисты, осуществляя тактику «выжженной земли», изгоняли их из-под родного крова, создавая «мёртвое пространство» вокруг своих оборонительных рубежей.

Гвардейцы рвались в бой, а командир дивизии полковник Маргелов упорно искал ту самую «возможность», которая обеспечила бы дивизии успех в ходе форсирования Днепра и штурма Херсона.

8 марта комдив побывал в своем левофланговом 147-м гвардейском стрелковом полку, которым командовал М.Е. Прокопович. Левофланговые подразделения полка соседствовали с подразделениями 295-й стрелковой дивизии, части и подразделения которой занимали позицию прямо напротив Херсона и готовились штурмовать его в лоб. Немцы, судя по всему, понимали это и, создав мощную оборону, готовились здесь к упорному сопротивлению. Проведя рекогносцировку и оценив обстановку, комдив 49-й пришел к выводу, что на левом фланге его гвардейская дивизия, учитывая плотность и мощь фашистской обороны, вряд ли будет иметь успех. Да и чувствовалось, что немцы именно здесь ждали главного удара советских войск и готовились ко всем неожиданностям.

Изучая обстановку перед наступлением, полковник В.Ф. Маргелов побывал и в подразделениях своего центрального 144-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал гвардии полковник А.Г. Лубенченко. Здесь подготовка к форсированию была в полном разгаре. Люди рвались в бой, но средств форсирования было подготовлено ещё мало. Побывав на занятиях по боевой подготовке, командир дивизии пришёл к выводу, что солдат этого полка необходимо упорно готовить к грядущим боевым испытаниям.

А между тем вышестоящие штабы торопили командира 49-й гвардейской дивизии с форсированием Днепра. А он, не раз изучая обстановку по карте, сам приходит к выводу, что

командование торопит его не зря – успешное форсирование войсками его дивизии Днепра и удар по левому флангу фашистской группировки, прикрывавшей Херсон, с последующим охватом Херсона справа, могло создать для немецких войск угрозу окружения. Чего-чего, а «котла» фашисты боялись после Сталинграда как огня! Да и командование, торопя комдива, не скрывало, что от успеха 49-й гвардейской стрелковой дивизии во многом зависит успех всей херсонской операции.

«9 марта 1944 года, – вспоминал генерал армии В.Ф. Маргелов через 40 с лишним лет, – я дал приказ своему правофланговому 149-му гвардейскому стрелковому полку гвардии подполковника Тюрина совершить ночной марш и сосредоточиться по левому берегу Днепра южнее города Берислава.

Проведя этот маневр, командир полка доложил мне по телефону, что полк сосредоточился и готов к выполнению дальнейших приказаний.

Я срочно выехал в полк. Ночь была адская. Дождь хлестал как из ведра. Беспрерывными порывами налетал сильный ветер. Великая река только что освободилась ото льда, и её тяжелые воды плескались где-то рядом в кромешной темноте.

«А не попытаться ли форсировать Днепр прямо сейчас? – неожиданно подумал я. – Ночь, хоть глаза выколи. Немцы сейчас, наверное, попрятались по блиндажам. Не любят они такой погоды. А пока очухаются, так не то что полк, а дивизию можно будет переправить… Да и бойцы, узнав, что их комдив уже на правом берегу, с утроенной энергией совершат бросок через Днепр…»

Не думал, не гадал я тогда, что боевая обстановка внесёт совсем иные коррективы в мой план, и мне придётся с 67-ю бойцами почти трое суток удерживать плацдарм, и в живых нас останется только 14 человек…».

После этого отец закурил новую папиросу из лежащей на столе пачки «Беломорканала» и на какое-то время замолчал, как бы заново переживая выпавшие на их долю испытания. Затем он медленно, охрипшим от волнения голосом продолжил свои воспоминания.

– Кто у вас лучше всех подготовлен к переправе? – спросил у подполковника Тюрина.

– Третий батальон гвардии капитана Валуева, – ответил комполка.

– Пошли, – сказал я.

Через некоторое время мы были в расположении батальона.

– Пулемётную роту в моё распоряжение! – приказал я комбату. – Будем форсировать…

– Товарищ комдив! – запротестовал было гвардии подполковник Тюрин. – Зачем же так рисковать! Ведь неизвестно, что там, на том берегу…

– Переправимся, узнаем! А ты оставайся здесь в готовности к форсированию и жди моей команды! – ответил я командиру полка.

– Пулемётная рота к выполнению задачи готова! – доложил прибывший командир пулеметной роты гвардии старший лейтенант Семен Гуменюк.

Приказав старшему лейтенанту Гуменюку готовить бойцов и матчасть к переправе через Днепр, я ещё раз уточнил ранние и поставил новые задачи частям и подразделениям по форсированию реки и боевым действиям на том берегу. Соблюдая все меры предосторожности, отчаливаем от берега. Днепр встретил наши тяжелогружёные лодки и плоты крутой волной. По-прежнему хлестали порывы ветра вперемежку с колючим дождём. Едва достигли середины Днепра, как над нашими головами, словно люстры, вспыхнули ослепительные огни немецких осветительных ракет. И тут же чёрная днепровская вода закипела от разрывов мин и снарядов. В бой вступили наши пулемётчики.

Одна из мин взорвалась где-то справа, и в сполохах разрывов я увидел, как перевернулся один из плотов. С него в ледяную воду посыпались люди. Однако гвардейцы не растерялись, а, уцепившись за брёвна полуразрушенного плота и удерживая на нём «максим», продолжали плыть к берегу. Как я потом узнал, в ледяной купели оказались гвардейцы пулемётного взвода

гвардии младшего лейтенанта Георгия Ноги. Но и в этой ситуации, как-то пристроившись у пулемёта, сам командир продолжал бить по вражескому берегу короткими очередями.

Хочу сказать, что этому отважному офицеру в дальнейшем фронтовая судьба ниспослала не только это испытание. Несколько позднее, в боях за Николаев, гвардии младший лейтенант Георгий Нога был ранен в живот. Ранение было настолько тяжёлым, что хирурги не стали делать операцию, полагая, что она всё равно не поможет. Однако офицер каким-то чудом, без всякого хирургического вмешательства, поправился и снова встал в строй, не комиссовался, хотя и имел такую возможность.

Разве это не пример героической стойкости советского гвардейца! Гвардии младший лейтенант Георгий Нога был представлен мной к награждению орденом Боевого Красного Знамени.

Но вот, наконец-то, наша лодка ткнулась носом в прибрежный песок. Десант есть десант, и действовать тут надо сноровисто и быстро. В едином порыве гвардейцы ринулись на берег и, выбив фашистов из прибрежных оборонительных линий, устремились вперёд.

Вскоре, используя складки местности, мы успешно продвинулись ещё дальше и оседлали дорогу Берислав-Херсон. Удар наш был настолько силён и неожидан, что фашисты решили, что Днепр форсировала, по крайней мере, целая дивизия. И они начали панический отход к Херсону. Однако к утру опомнились, и обстановка резко изменилась. Едва забрезжил рассвет, как показались густые цепи немецких автоматчиков. Подпустив фашистов поближе, пулеметчики старшего лейтенанта Гуменюка открыли кинжальный огонь. Не многим немцам удалось уйти живыми. Не повезло и тем транспортёрам, которые двигались по шоссе Берислав – Херсон. Надеждам фашистов прорваться к Херсону был положен конец.

Видимо, обеспокоенное положением на своём левом фланге обороны, немецкое командование решило во что бы то ни стало ликвидировать захваченный плацдарм. Одновременно фашистское руководство предприняло все меры, чтобы на захваченный нами Бериславский плацдарм не переправился ни один советский солдат.

В воздухе нудно завыли моторы десятков фашистских самолётов, которые наносили удары по переправляющимся войскам и по нашему плацдарму. Беспрерывно била фашистская артиллерия, в том числе и шестиствольные минометы. Эта огневая завеса и приостановила форсирование Днепра подразделениями как 149-го полка, так и другими частями и подразделениями дивизии.

Прошёл один день сражения за Бериславский плацдарм, пошёл второй, а подкрепления, которого мы ждали с таким нетерпением, не было. Всё меньше и меньше оставалось в живых героических защитников плацдарма. Кончались боеприпасы. А немцы продолжали наседать. В этой обстановке мне ничего не оставалось, как прибегнуть к крайней мере – вызвать на себя по рации огонь артиллерии своего артиллерийского полка.

Чтобы не потерять управление частями дивизий, я всё время поддерживал связь по радио с начальником штаба 49-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковником Шубиным. Понимая всю сложность создавшегося положения, он делал всё возможное, чтобы не только подразделения 149-го полка как можно быстрее переправились через Днепр на захваченный нами Бериславский плацдарм, но и другие части дивизии могли оказать нам посильную помощь.

1944-й год, командир 49-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерала-майор Василий Маргелов

Надо отметить, что начальник штаба дивизии гвардии полковник Шубин был закалённый в боях, храбрый и решительный офицер. Ему довелось также, как и мне, участвовать в боях с белофиннами. Он отличился при прорыве линии Маннергейма, при форсировании Выборгского залива. В августе 1941 года в должности начальника связи 41-й лёгкой танковой бригады В.Ф. Шубин совершил поход в Иран. В том же месяце прямо из Тегерана его бригада была переброшена под Новороссийск. Особенно отличился В.Ф. Шубин в ходе Феодосийского десанта. Здесь, в боях за Феодосию, он был сначала назначен начальником оперативного отделения 236-й мотострелковой дивизии. Инициативным, вдумчивым офицером зарекомендовал он себя и в боях по освобождению Ростова. После освобождения Ростова, когда 271-я стрелковая дивизия гнала фашистов на запад, Валерий Федорович был тяжело ранен. Ему давали негодность к службе в армии, но он остался в строю. Перед началом боёв по прорыву «Миус-фронта» подполковник Шубин был назначен начальником штаба 49-й гвардейской стрелковой дивизии. И вот теперь, в боях за Херсон, проявились лучшие качества этого боевого офицера. Благодаря его находчивости 3-й батальон 149-го гвардейского стрелкового полка 11 марта 1944 года успешно форсирует Днепр и высаживается на Бериславский плацдарм. К этому времени из 67 защитников Бери-славского плацдарма осталось только 14 человек. Поэтому можно понять нашу огромную радость, когда в перепаханные фашистскими снарядами и минами окопы, в которых мы отбивались до последнего, влились бойцы гвардии капитана Валуева. Однако фашисты продолжали яростные атаки, стремясь во что бы то ни стало сбросить защитников Бериславского плацдарма в Днепр. Но чаша боевого успеха постепенно клонилась в нашу сторону. Несмотря на сильнейший артиллерийский и миномётный огонь, 149-му гвардейскому стрелковому полку гвардии подполковника Тюрина удалось прорваться через кипящий от разрывов Днепр и высадиться на плацдарм. Теперь мы навязывали фашистам свою инициативу. В ходе упорных боёв по расширению плацдарма полку А.И. Тюрина удалось выйти в район Пареводар, Новая Тягинка. По моему приказу полк продолжил развивать наступление вдоль берега Днепра на Херсон».

Бывший комсорг 1-го батальона 149-го сп гвардии сержант И.Г. Степаненков вспоминал командира дивизии «стройным, высоким и… строгим командиром. Он лично наблюдал за полем боя, а при необходимости сам шёл в боевых порядках наступающей пехоты. Так было и в районе Кучегуара, где песчаные курганы на берегу Днепра, в беспорядке разбросаны

на местности. Особенности курганов в том, что они скрывают перспективу обзора за ними и кажется, что за ними ничего нет. И так по всему берегу. Фашистское командование использовало эти курганы для создания глубоко эшелонированной обороны, превратив каждый из них в укрепленную огневую точку. И, как мне представляется, комдив полковник В.Ф. Маргелов умело нащупал, а затем и использовал слабость немецких солдат – их боязнь вести огонь в ночных условиях по причине легкого обнаружения (демаскировки) их позиций, а также умение наших младших офицеров использовать штурмовые отряды при штурме обособленных огневых точек. Основные достоинства штурмовых отрядов в ночном бою – маневренность, быстрота действий во время боя, возможность охвата боевыми действиями большой территории. Это и в дальнейшем широко использовал командир дивизии».

Штурмовой отряд – это стрелковый взвод, усиленный различными огневыми средствами в зависимости от решаемых задач: станковым пулеметом, 45-ти мм пушкой и противотанковым ружьём.

«И вот такими мелкими группами бойцы 1-го батальона прорвали оборону немцев и вышли на берег Днепра в районе Казачьих Лагерей. С позиции сержанта мне трудно оценить действия моих боевых товарищей и командиров, но боевую задачу в ночном бою на этом участке фронта наша дивизия, сплочённая и вдохновлённая отважным комдивом Маргеловым, выполнила, за что ей позже было присвоено почётное наименование «Херсонская». Василий Филиппович Маргелов был душой и вдохновителем всех наших боевых операций, а для бойцов и командиров дивизии – строгим, но чутким человеком».

Очень не любил генерал армии В.Ф. Маргелов вспоминать один короткий, но весьма драматический и показательный для того сурового времени эпизод. Когда он вернулся на левый берег Днепра, чтобы организовать на месте дальнейшее наступление частей своей дивизии на Херсон, командир корпуса Чанчибадзе грубо обругал комдива.

– Ты бросил дивизию, – кричал он, – я тебя расстреляю! Под трибунал отдам!

С трудом сдерживаясь (сказывалось нечеловеческое напряжение трёхдневных бессонных смертельных боёв), комдив Маргелов сказал, грозно сверкнув глазами:

– Один полк уже воюет на том берегу, второй заканчивает переправу. Мы с бойцами выстояли и обеспечили успех соединению. Разрешите продолжать наступление? А список героев я представлю вам на утверждение после взятия Херсона…

Командир корпуса, видя направленные на него неодобрительные взгляды рядом стоящих офицеров, как-то сразу сжался, а потом выпрямился, извинился перед комдивом и приказал:

– Теперь Ваша дивизия будет на основном направлении наступления на Берислав и Херсон, 295-я гвардейская дивизия, замешкавшаяся в ходе форсирования Днепра, продолжает наступление на вспомогательном направлении. Я не сомневаюсь, товарищ Маргелов, что Вы успешно справитесь с поставленной задачей!

В ходе наступления ожесточённые бои развернулись за село Никольское, которое обороняло свыше двух батальонов противника. Используя хорошо подготовленные в инженерном отношении позиции, немцы ураганным огнём из пулемётов и миномётов пресекали все попытки наших бойцов хотя бы подойти к окраинам села. В этих боях опять отличился 3-й батальон гвардии капитана Валуева. Используя наступившую темноту, отважный командир всё-таки прорвался к окраине Никольского и зацепился за одиноко стоящий домик. Быстро превратив его в опорный пункт, гвардии капитан Валуев решает с помощью обходных маневров рот выбить немцев из села. Под прикрытием темноты 3-я гвардейская стрелковая рота под командованием гвардии лейтенанта Карыгина обходит село справа, а 9-я гвардейская стрелковая рота под командованием гвардии старшего лейтенанта Алонна обходит село слева. Совершив обходные манёвры и выйдя на заданный рубеж, обе роты обрушили на фашистов внезапные удары. Ураганный огонь гвардейцев косил фашистов десятками. В рядах противника началась паника, и, бросая оружие, боевую технику, немцы в ужасе разбежались. Вскоре всё

село Никольское было очищено от противника. Этот бой гвардейцы капитана Валуева провели без потерь. Фашисты же потеряли 75 солдат и офицеров убитыми и пленными, были захвачены большие трофеи. Вот что значат грамотные и инициативные действия на поле боя!

Развивая наступление в ночь с 12 на 13 марта, 149-й гвардейский стрелковый полк гвардии подполковника Тюрина вышел к реке Ингулец в районе села Дарьевка и завязал бой за переправы. И здесь опять отличились бойцы 3-го гвардейского батальона капитана Валуева. Действуя решительно и инициативно, гвардейцы, не дожидаясь приказа о переправе, форсировали реку Ингулец на подручных средствах и устремились дальше. Наступая вдоль течения Днепра, полк освободил 16 населенных пунктов, уничтожил и пленил около 300 солдат и офицеров противника, захватил многочисленные трофеи.

Надо отметить, что все эти бои характеризовались полным отсутствием артиллерийской поддержки, так как артиллерия не успела переправиться. По сути дела пехоту поддерживали только пулемёты, а единственным тяжёлым оружием были противотанковые ружья.

Но наступательный порыв гвардейцев был настолько велик, что даже при наличии только лёгкого пехотного оружия части дивизии безостановочно гнали фашистов, имевших на вооружении артиллерию, самоходные пушки и одно- и шестиствольные миномёты. И гнали по бездорожью, по весенней непролазной грязи, через плавни и водные преграды. В этих боях личный состав 149-го гвардейского стрелкового полка проявил образец исключительного мужества, героизма, сметливости и инициативы.

Боевые успехи 149-го гвардейского стрелкового полка Тюрина создали предпосылку к успешному развитию наступления всеми частями и подразделениями дивизии.

В ночь на 13 марта 1944 года успешно форсирует Днепр 144-й гвардейский стрелковый полк гвардии полковника Лубенченко. Едва высадившись на правый берег Днепра, гвардейцы с ходу ринулись в атаку, обходом справа перерезали дорогу Снегиревка – Херсон. Удар воинов 144-го гвардейского был настолько стремителен, что немцы обратились в паническое бегство, покидая свои оборонительные позиции, и к концу дня полковник Лубенченко доложил командиру дивизии, что его гвардейцы перерезали дорогу Херсон-Николаев. Это уже был серьёзный успех.

В этот же день начал форсирование Днепра 100-й артиллерийский полк полковника Федоркова. Форсирование проходило по чётко организованному плану. В то время как первые орудия были загружены на плоты, собранные из рыбацких лодок, и начали переправу, расположившиеся на левом берегу Днепра артиллерийские подразделения прикрытия мощными и точными ударами сокрушали огневые точки противника и его артиллерийские и миномётные позиции.

Форсирование шло полным ходом, когда бойцы вдруг увидели, что со стороны Херсона, рассекая стремнину Днепра, прямо к ним идёт пароход. Комдив дал команду не стрелять, так как на его мачте виднелся белый флаг. Когда пароход пристал к берегу, выяснилось, что это херсонские рыбаки и моряки угнали его прямо из-под носа у немцев. Пароход оказался как нельзя кстати. На нём была переправлена на правый берег почти вся тяжёлая техника дивизии, а херсонские моряки и рыбаки влились в ряды 49-й гвардейской дивизии.

В боях на подступах к Херсону и за сам город мужество и отвагу проявили многие бойцы дивизии. И как всегда, в авангарде наступавших шли коммунисты.

Под сильным пулемётным огнём залегла одна из рот. Но вот поднимается коммунист Криницкий и с возгласом «За Родину!» бросается вперёд, увлекая за собой всю роту. Стремительным броском рота ворвалась в село, в короткой схватке уничтожила и пленила 30 фашистов, а остальных обратила в бегство.

В одном из боёв на подступах к Херсону отличился гвардии красноармеец Уроженко. Он первым ворвался во вражеский блиндаж и уничтожил в рукопашной схватке трёх фашистов, а остальных обратил в бегство. В «Боевом листке» после этого боя он написал:

«Я молодой гвардеец. Велика честь быть гвардейцем. Бывалые воины помогли мне овладеть оружием. Этим оружием я истребляю фашистскую нечисть. До войны я жил и работал в городе Херсоне. Жизнь текла хорошо, красив был наш город. Кулаки мои сжимаются от ярости, сердце горит злобой, когда подумаешь, что нашу родную херсонскую землю ещё топчут грязные сапоги немцев. Где бы я ни дрался с врагом – буду разить его насмерть. Я дерусь за Родину, за родной Херсон!».

Утром 13 марта 1944 года 49-я гвардейская стрелковая дивизия начала решительный бой за освобождение Херсона. Наступая на Херсон, её гвардейцы дрались бок о бок с 295-й стрелковой дивизией, которая уже с 11 марта пыталась штурмовать Херсон в лоб. Однако, несмотря на героические усилия солдат, 295-я дивизия успеха не имела. И только обходной маневр 49-й гвардейской дивизии, перерезавшей фашистскую группировку, прикрывавшую Херсон, и создавшей предпосылку окружения немецких войск в районе города, сломил волю оборонявшихся германских войск.

Несмотря на ожесточённое сопротивление фашистов, гвардейский 147-й стрелковый полк 49-й гвардейской стрелковой дивизии первым ворвался в город. Бой вёлся за каждую улицу, каждый дом. Начальник штаба дивизии полковник Шубин, несмотря на бессонные ночи последних боевых суток, умело обеспечивал чёткое управление частями на поле боя.

Бойцы дивизии дрались по-гвардейски! В одном из боёв рядовой Цветков первым ворвался в траншею противника и в рукопашном бою уничтожил трёх фашистов.

В ходе наступления путь гвардейцам преградил каменный дом, оборудованный немцами под дот. Из его бойниц фашистские пулемёты и автоматы извергали тучи смертоносного свинца. Наступление замедлилось. Но вот поднимается боец Чугай и с кличем: «За Родину – вперед!» устремляется в атаку. Его порыв воодушевляет бойцов. Гремит гвардейское «Ура!», красноармейцы поднимаются вслед за ним в атаку.

Высокую боевую выучку в ходе боёв за Херсон продемонстрировали сапёры гвардии лейтенанта Буренкова. На подступах к Херсону и в самом городе фашисты установили сплошные минные поля, заминировали подходы ко многим зданиям, а также и сами здания. И вот тут-то сапёрам пришлось потрудиться, как говорится, в поте лица. Сотни мин обезвредили гвардейцы-сапёры гвардии лейтенанта Буренкова и расчистили наступавшим подразделениям путь вперёд. За мужество и героизм, проявленные в боях, гвардии лейтенант Буренков был награждён орденом Красного Знамени.

Во время штурма города отличился командир взвода противотанковых ружей лейтенант Оганесов. Немцы неожиданно предприняли контратаку силой до роты, которую поддерживали несколько бронетранспортёров. Путь бронированным машинам преградили истребители танков гвардии лейтенанта Оганесова. От метких выстрелов гвардейцев загорается несколько машин, а автоматчики шквальным огнём уничтожают пехоту противника. Один из бронетранспортёров подбил сам командир взвода гвардии лейтенант Оганесов.

И опять на самых трудных участках наступления впереди были коммунисты. Большим уважением среди бойцов дивизии пользовался парторг 144-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший сержант Савицкий. Этот немолодой 42-летний солдат отличался не только незаурядной храбростью и отвагой в бою. Он также был прекрасным агитатором, но, прежде всего, учил бойцов на личном примере. Большую работу проделал парторг Савицкий перед форсированием Днепра. Особое внимание он уделил роли коммунистов в успешном выполнении предстоящей боевой задачи. И слова этого коммуниста не расходились с делом.

Он одним из первых вместе со своим подразделением переправился через Днепр. В ходе наступления был в первых рядах атакующих гвардейцев. За храбрость и мужество он снискал себе почёт и уважение среди бойцов. А когда надо было, то он проявлял себя и как незаурядный организатор.

В ходе быстрого наступления частей 49-й гвардейской стрелковой дивизии постоянно отставали тылы. И тут парторг Савицкий проявил инициативу. В освобождённых сёлах он собирал жителей на сходку, проводил с ними беседу, после чего простые советские люди с воодушевлением помогали своим освободителям, чем могли, в особенности – продуктами питания. Они готовили пищу для бойцов, а парторг Савицкий заботился, чтобы она была доставлена гвардейцам в их подразделения. В ходе боёв за Херсон коммунист Савицкий был, как и всегда, в первых шеренгах атакующих гвардейцев. Его голова, убелённая ранними сединами, мелькала то в одном подразделении, то в другом.

Вспоминая те дни, генерал армии Маргелов В.Ф. сказал: «На мой взгляд, благодаря таким людям, а их было немало, мы победили. Шаг за шагом продвигались вперёд гвардейцы моей 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Благодаря их мужеству, решительности, массовому героизму Херсон был освобождён в самые короткие сроки».

И вот уже отгремели последние залпы гвардейцев, штурмовавших Херсон. Город полностью очищен от немецких оккупантов. Во всех частях и подразделениях дивизии начались торжественные митинги, посвящённые освобождению города. Разгорячённые боем стоят в строю красноармейцы и офицеры. Отличившийся в боях за Херсон гвардии майор Грачев зачитывает:

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
Генералу армии МАЛИНОВСКОМУ.

Войска 3-го УКРАИНСКОГО фронта, форсировав реку ДНЕПР в нижнем течении, заняли город БЕРИСЛАВ и, развивая наступление, сегодня, 13 марта, в результате уличных боёв, овладели городом ХЕРСОН – крупным узлом железнодорожных и водных коммуникаций и важным опорным пунктом обороны немцев у устья реки ДНЕПР.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта ГРЕЧКИНА, генерал-майора РУБАНЮКА, полковника МАРГЕЛОВА, полковника ДОРОФЕЕВА; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии НЕДЕЛИНА, генерал-майора артиллерии ОСМАЛКОВСКОГО; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск СВИРИДОВА; лётчики генерал-лейтенанта авиации СУДЕЦ и понтонёры генерал-лейтенанта инженерных войск КОТЛЯРОВА, полковника СЕРГЕЕВА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение городов ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ, представить к присвоению наименования «ХЕРСОНСКИХ» и «БЕРИСЛАВСКИХ» и награждению орденами.

Сегодня, 13 марта, в 22 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Украинского фронта, овладевшим городами ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ, – двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия ОБ'ЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение городов ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин.
13 марта 1944 года.

Этой высокой чести была удостоена и 49-я гвардейская стрелковая дивизия. Она получила почётное наименование «Херсонская». Многие офицеры, сержанты и рядовые были награждены высокими правительственными наградами. Командир 149-го гвардейского стрел-

кового полка гвардии подполковник Тюрин был награждён орденом Ленина. Его заместитель по политической части гвардии майор Грачёв был награжден орденом Александра Невского.

Несколько особо отличившихся воинов 3-го Украинского фронта генерала Малиновского были представлены к высшей правительственной награде – ордену Ленина и медали Золотая Звезда. К высокому званию Героя Советского Союза был представлен командир пулемётной роты 149-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший лейтенант Семён Гуменюк.

К этому же высокому званию за форсирование Днепра и освобождение города Херсона был представлен и командир дивизии – гвардии полковник Маргелов Василий Филиппович.

В наградном листе на звание Героя Советского Союза кратко описан подвиг отца:

«Обороняясь на фронте свыше 50 км на левом берегу реки Днепр, 49 гв. сд 10.3.44 г. получила задачу форсировать р. Днепр и во взаимодействии с 295 сд овладеть г. Херсон. В течение полутора суток, полковник МАРГЕЛОВ перегруппировал силы дивизии, сосредоточил их южнее САДОВАЯ в готовности к выполнению задачи. Одновременно одним полком с боями форсировал р. Днепр в районе КАЗАЦКАЯ и, развивая успех на запад во взаимодействии со 2-м гв. мк, начал свертывание обороны немцев на правом берегу. В ночь на 12 и 13.3.44 г. основные силы дивизии, преодолевая упорное сопротивление противника, на подручных и местных переправочных средствах форсировали р. Днепр и устье р. Ингулец и захватили плацдарм на правом берегу в районе САДОВАЯ. Не давая противнику закрепиться, дивизия совместно с 295 сд развивает стремительное наступление на ХЕРСОН и ударом с северо-востока к 12.00 13.3.44 г. овладевает городом.

Командир дивизии – полковник МАРГЕЛОВ чёткой постановкой задач подчинённым частям, тщательной подготовкой форсирования р. Днепр и боя на правом берегу, обеспечил успешное выполнение боевой задачи. В течение всего периода форсирования находился на переправах и лично руководил действиями частей, одновременно осуществляя руководство правым флангом через свой штаб.

Своей настойчивостью, высокой требовательностью, хорошей организацией взаимодействия пехоты с артиллерией, полковник МАРГЕЛОВ обеспечил своевременное выполнение задачи по овладению г. Херсон без серьёзных потерь и нанёс противнику большой урон в живой силе и технике.

За умелое управление войсками при форсировании р. Днепр и овладении г. Херсон, проявленные при этом инициативу, настойчивость и личную храбрость полковник МАРГЕЛОВ достоин звания «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Представление подписано 16 марта 1944 г. командующим 28-й армией генерал-лейтенантом А.Гречкиным и членом военного совета генерал-майором А.Мельниковым. Командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Малиновский и член военного совета фронта генерал-лейтенант Желтов в своём заключении также записали: **«Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».**

Ниже – отметка о награждении, всего две строчки: «Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» – Указ от 19.03.44 г.»

В Грамоте «Герою Советского Союза», подписанной Председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калининым, записано: «За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 19 марта 1944 г. присвоил Вам звание Героя Советского Союза».

По представлению рабочих и служащих херсонских предприятий генералу армии Маргелову В.Ф. в 1968 году было присвоено звание «Почётный гражданин города Херсона».

Гвардии старший лейтенант Аркадий Питанов в дни форсирования Днепра и боев за Херсон написал стихотворение, впоследствии ставшее «фамильным» рода Маргеловых.

Песня славит сокола
Песня славит Сокола
Храброго и смелого…
Близко ли, далёко ли
Шли полки Маргелова.

Шли полки могучие
Шагом молодецким,
По Задонским кручам,
По степям Донецким.

Шла большая сила
Грозно на врага,
Да перегородила
Путь ей Днепр-река.

Ой, как закручинился
Храбрый генерал,
К берегу спустился,
Так бойцам сказал:

Мне река родная,
Сам-то я – моряк.
Вплавь переплыву я,
А вот вы-то как?

Кто вас переправит?
Нет здесь кораблей…
Ну, а немец палит
В двадцать батарей…

– Не печалься очень,
Храбрый командир,
Коль солдат захочет —
Обойдёт весь мир!

Нам искать ли броду!
Немец, только тронь…
За тобой мы в воду,
За тобой – в огонь!

Ой, как заиграли
Пушки поутру,
Немцы нас не ждали

На крутом яру.

Колет, гонит ворога
Первый батальон.
Здравствуй славный город,
Городок Херсон!

Это стихотворение мы, его сыновья, с самого юного возраста знали наизусть и исполняли на всех семейных торжествах, а позже хором пели (и поём сейчас) на мотив «Песни о Щорсе», а все гости дружно поддерживали.

Недолог был отдых. Вновь гвардейцы 49-й стрелковой дивизии двинулись на запад. Уверенна поступь гвардейских колонн. А над нами от края и до края привольных херсонских степей летит удалая солдатская песня гвардейцев 49-й гвардейской Херсонской стрелковой дивизии о гордой и смелой птице, ставшей негласным символом дивизии.

1948 год, командир 76-й гвардейской Черниговской Краснознамённой воздушно-десантной дивизии генерал-майор В.Ф. Маргелов перед десантированием. Он лично совершил более 60 прыжков с парашютом, свой первый первый прыжок в 40 лет, последний – в 65 лет.

Владимир Крупин, майор в отставке

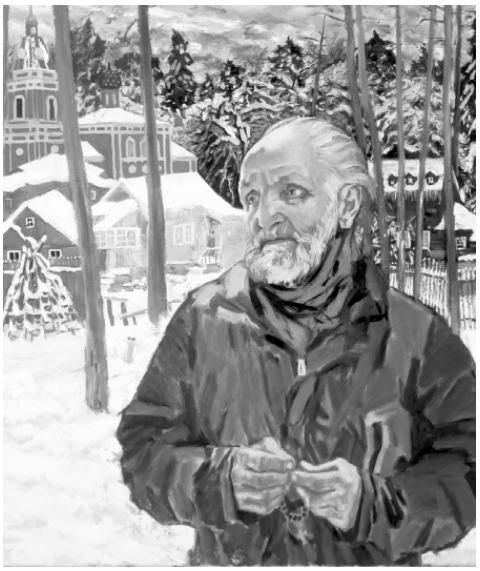


Рис. В. Харлова

Владимир Николаевич Крупин родился на Вятской земле 7 сентября 1941-года. Года, ознаменовавшего и тяжелейшие, и спасительные для России времена. Окончил Московский областной педагогический институт (университет). По окончании работал в школе, сценаристом на телевидении, преподавал в Литературном институте им. А.М Горького, в Академии живописи, ваяния и зодчества, Московской духовной академии. Избирался секретарём Правления Союза писателей СССР. В настоящее время – сопредседатель Союза писателей России. Первый лауреат Патриаршей премии.

В.Н. Крупин принадлежит к поколению, для которого служение армии было святым делом, а желание умереть за Родину было естественным. ***«Мы рвались в армию, – вспоминал писатель. – У нас девчонки с парнем, который не служил, даже и не дружили».*** Служил три года, дослужился до старшины ракетного дивизиона Войск ПВО. И потом проходил несколько раз переподготовку, в том числе и на Высших офицерских курсах. Гордится званием старшего офицера. Он – навсегда в строю защитников Отечества. Многие его произведения посвящены армии. Последнее время у писателя одна тема – спасение России через приход к Господу. А кто был в России самым верующим? Конечно, военные.

Полковник-паломник
Рассказ

В аэропорту к нашей паломнической группе подошёл моложавый, крепкий мужчина и спросил, туда ли он попал. Вот ему друзья подарили путёвку, сказали, что в Израиль, на море, а тут что? А тут паломническая поездка. Он зорко оглядел членов группы: все женщины, все, в основном в годах, увидел в группе одного мужчину, то есть меня и подошёл. Мы познакомились.

Конечно, в монастырской гостинице нас поместили в один номер. Конечно, мы стали на ты.

– Мы – братья во Христе. И если Его называем на ты. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси, сохрани и помилуй», так чего мы друг с другом будем выкать?

– Это-то, конечно, – согласился он, глядя на Библию на тумбочке и на иконы в переднем углу, – но мне сказали: отдых, море, экскурсии, магазины, женщины.

– Нет, брат, тут долгие поездки, стояния на молитвах, ранние вставания. А уж пляжей вообще никаких. И женщин тут нет! Тут не туристки, тут паломницы.

Он затосковал:

– Вот я вляпался!.

– Да ты что? Это же великое счастье – ты в центре мира, ты на Святой Земле! Я над тобой беру шефство. Неужели ты такой тёмный? Ты же крещёный?

– Ну, как иначе, я не какой-то социопат, я русский полковник!

В автобусе мы сидели вместе с ним. Первая поездка была в Вифлеем, и она его очень впечатлила. Особенно поразило благоговение, с которым все шли и прикладывались к Вифлеемской звезде. Он тоже приложился.

Вверху он потрясённо спросил:

– Так это точно, что здесь Он родился?

– Более чем!

– И всё так и было? Подлинно?

– Всё, как в Евангелии. Им даже места в гостинице не было, пришли в эту пещеру. Волхвы, знали предсказания, принесли Ему золото, как царю; ладан, как священнику; смирну, как простому смертному. А пастухам ангел с небес возвестил.

– Да не тёмный я, читал, знаю. Но, чтобы так, что всё по-настоящему? Библиотекарша, роман с ней был, подарила «Мифы народов мира», интересный двухтомник. Лернейская гидра, Геракл, Прометей, Ахиллес. И об Иисусе Христе там много. Читал. Я и думал, миф, на грани вымысла. Мне хватало.

– Но ты же видел, люди в церковь идут! Какой миф?

– Так есть же выражение, не помню кто сказал: если Бога нет, надо его выдумать. Предмет поклонения. Легче народом управлять. И Ельцын со свечкой стоял, и Путин бывает. Я сильно и не вдавался. Да и когда при нашей службе. Ну, миф и миф. Жить кому помогает. Кто и верит. Мы же верили в светлое будущее.

– Какой же миф – Бог воплотился от Духа Святаго и Марии и Девы и вочеловечился. Он был и человек, и Бог. Он и страдал, как человек. Он за нас, за наши грехи, за тебя и за меня сам! Сам добровольно взошёл на Крест. Любил людей, мог и на небесах оставаться. Пришёл к нам. А что получил? Крест, гвозди, копие! Всемогущий! Создавший из ничего мир. А разве не мог призвать легионы небесных сил? Мог!

– А почему нет?

– Спасти хотел гибнущий мир, жалел нас! И спас!

– Как?

– Смерть уничтожил!

– Как?

– Читать будешь Евангелие, молиться, поймёшь.

Полковник долго молчал. Мы уже сидели в автобус, когда он, как-то встряхнувшись, ещё раз спросил

– Значит, всё так и было?

– Именно так!

– Ну, тогда, – подытожил полковник, – тогда давай, воспитывай!

– Вечером. Ты матушку Ирину слушай.

С последних сидений мы не видели матушку Ирину, которая нас сопровождала, тем более она сидела к нам спиной, лицом к движению, но слышали её проникновенный голос. Иногда она замолкала, тогда я продолжал просвещать полковника. Боясь быть занудным, говорил:

– Запомни: всё в мире сложно, только одно просто – Бог. И не влезай во всякие умничанья. Теизм, атеизм, пантеизм – всё это знать можно, но не нужно. Заинтересуешься – сразу начнёт только голова работать, тут и гибель. Сердце, душу питай! Молись и всё! Мы столько должны Богу, что нам за всю жизнь долги не отработать!

– А чем я должен?

– Жизнью ты должен, жизнью! Вон какой орёл, а мог и не быть.

– Я думал, меня папа-мама выродили.

– Так они-то откуда взялись?

– Их тоже родили.

– А те откуда? И те, и те, и те? От живой клетки? А клетка откуда? Из какой клетки? Всякие инфузории-туфельки? Выползли на сушу, выросли до обезьян, залезли на дерево, так? Потом хвост отпал, спрыгнули на землю? Встали на лапы, изобрели книгопечатание? От обезьяны один Дарвин произошёл. Мы – от Бога. От Адама и Евы мы. А их Господь сотворил!

Очень внимательно вслушивался полковник в мои слова. Спасибо ему, не возражал. Только сказал:

– Откуда ты такой умный? Не сердись, я с юмором.

– Чего сердиться? Это не я умный, это пора всем знать. Это главное в жизни – Бог Это счастье – мы в Святой Земле. Приехали из Святой Руси. А это одно и то же. Тут мы за десять дней пройдём все и Господские, и Богородичные праздники. И хорошо, что начали с Вифлеема. С Его Рождества. Да тут с чего ни начни. И Благовещение в Назарете, и Преображение на Фаворе, и Богоявление на Иордане, и Вознесение на Елеоне. Вдумайся! Без Бога ни до порога. Россию лихорадило именно тогда, когда она отходила от Бога. Наполеон, Гитлер, Хрущёв, Ельцын – это нам бывало для вразумления, когда Бога забывали. Давай, Павел Сергеич, к концу срока готовься к причастию! Готовь генеральную исповедь. Вспоминай грехи и записывай.

– Чего их записывать, я и так помню. Я ещё об сейф не ударенный

– Куришь? Нельзя курить! Это каждение дыма сатане.

– Нельзя? Ладно, нельзя, значит, не буду, – сказал он.

И ведь в самом деле, как отрезало – перестал. Сила воли у него не хромала.

В первый же день в магазине Русской Православной миссии в Иерусалиме мы купили нательный крестик (полковник непременно захотел дорогой), и я своими руками надел его на шею раба Божия Павла Сергеевича.

Но с ним было очень нелегко. Матушку Ирину он взял, да и назвал на ты и Ириночкой. Он услышал, как она говорит на нескольких языках.

– Ириночка, ты и по-ихнему рубишь?

– Иначе нельзя, – улыбнулась матушка Ирина, – здесь надо знать и арабский, и английский, иврит тоже.

– Ну, ты молоток! – одобрил он.

Я оттащил его в сторону и вдалбливал:

– Так не смей говорить с монахиней. Она – монахиня, она – матушка!

– Матушка? – потрясённо спросил он. – Какая она матушка, такая молодая. А ты знаешь, ей идёт чёрное. Я сразу не разглядел. Да она же красавица. И без косметики.

– Прекрати! Социопат! Она не женщина!

– А ещё чего скажешь?

– Ещё скажу, что она старше тебя в духовном смысле.

– Ну, сказанул.

– Не ну. Вот тебе и грех – неуважение к сану.

– Она же не обиделась.

– Вспомни, на кого не обижаются. Тебе надо словесное молоко, а не твёрдую пищу.

– У меня зубы крепкие. Я как на какого разгильдяя взгляну – сразу сверху донизу весь мокрый. – Он помолчал, вздохнул. – Да, вот бы из неё жена вышла. Все её достают, всем всё объяснит, ни на кого не цыкнет. Спокойная. Всё с улыбкой. Терпеливая. А у меня жена такая дура психованная.

Очень ему понравилась матушка Ирина. Он стал её первейшим помощником. И за стол не садился, пока все не сядут, из-за стола выходил первым, подгонял отстающих. При посадке в автобус стоял у дверей и энергично помогал паломницам.

– Ты повежливей с ними, – просил я.

– Они что, в профсоюзный санаторий приехали? Это же Святая Земля, центр Вселенной. Ты же сам мне пуп Земли показал.

– Терпение вырабатывай. Пример с матушки бери.

– Начну.

И при молитвах на святых местах полковник стоял смиренно.

– Раз полагается, значит, надо.

Он отстоял и долгую утреню.

– А я-то думал, – говорил он, – что у меня ноги железные. Ты же в армии служил, знаешь. У Знамени части – Первый пост в штабе, на виду, не шелохнись. Два часа. Потом четыре часа отдых. А тут четыре часа без отдыха. Спина отнимается.

– Делай поклоны глубже, спина не заболит.

Он доверился мне, рассказал, что у него в семье дело идёт к разводу, и, когда ему эту путёвку подарили, он её схватил, чтобы побыть без жены и приучить себя к жизни без неё. Честно признался, что надеялся на курортный роман.

– Думал, какое будет знакомство. А чего теряться? В поездке все мы холостые. В Тулу же не поедешь со своим самоваром.

– А из-за чего решил разойтись?

– Ни в чём не угодишь, всё ей неладно. Что бы ни сказал, всё не так. А молчу – тоже неладно. Друзья зашли – морду воротит.

– Так вы по любви сходились?

– С ума сходились. Перед выпуском из училища, больше по пьянке. – Да вот, покажу. – Он достал бумажник. – Вишь, где она у меня, умеет прятаться: между шекелями и долларами. – Красивая? Показал я тебе, дорогая, Святую Землю, а дальше живи сама.

– Она в церковь ходит?

– Да нет, с чего? Когда Патриарх бывает по телевизору, то, когда и слушает.

Полковник терпеть не мог платить лишнего. Торговался ужасно. Что называется, до потери пульса. Не своего, продавца. А в Иерусалиме все продавцы говорят по-русски. Почти все из России.

– Девочка, – говорил он полной еврейке, – мы тебя всему выучили, образование у нас бесплатное, а ты ещё чего-то требуешь. – Обязательно много выторговывал и уходил от про-

давщицы довольный. Ещё бы, чуть её до инфаркта не довёл. – А зачем я свои кровные буду евреям отдавать.

– Вообще, знаешь, что тебе скажу, какой вывод: порядка тут нет. – Помолчал и после паузы усилил: – Никакого! Откуда взял? Я ж сразу на военных гляжу. Идёт пичужка в зелёной форме – штаны велики, ноги в ботинках болтаются, автомат не на плече, а на сгибе локтя. И… курит!

– У них женщины в армии служат.

– Да это-то, может, и неплохо. А парни военные стоят, тоже курят. Тоже с автоматами. Все расстёгнутые, наглые. Такие, хоть что, будут в народ стрелять. Всё равно, не много они навоюют.

– За них американцы повоюют.

– А эти вообще давно по морде не получали. Да, японский бог, порядка тут нет.

– Нас тут не хватает, да? Паша, не ругайся, грех. Забыл, что ли: за каждое, не только бранное, но и праздное слово взыщется.

– Если японский бог ругательство, как тогда разговаривать?

Его расположение к матушке Ирине было, конечно, замечено. Он же был личностью заметной. Ясно, что матери игумении донесли. И на четвёртый день утром у автобуса нашу группу встречала новая сопровождающая, монахиня Магдалина. Святую Землю любящая, досконально изучившая. Полковник на первой же остановке отвёл её в сторону и допросил. И рассказал мне, что узнал. А узнал он, что у матушки Ирины новое срочное задание – дальняя поездка с группой на Синай. А это дня три.

– Сам виноват, – хладнокровно сказал я. – Её из-за тебя туда отправили. Ты бы ещё в полный голос кричал о своей любви.

Полковник заговорил с такой болью, что я поверил в его искреннее чувство:

– Да я и любви-то ещё не знал! Перед выпуском в училище с лёту женился. Да, может, это у меня единственный шанс – создать семью. Детей же нет у меня! А я очень семейный! Мне же полета всего, и без хвостика…

– Молись! В храмах подавай о здравии жены. Венчанные? Венчайся!

– С ней? Никогда!

– Дело твоё. Но о матушке Ирине забудь!

– Забыть? А чего полегче не посоветуешь? Я запылал. Вот! – Мы стояли перед храмом в Вифании. Он истово перекрестился. А крестился он, как шаг строевой печатал. – Вот! Вот! И вот! И вот! И упал на колени и так треснулся лбом о плиты, что площадь вздрогнула.

– Не крестись на грех. Лоб береги!

– А зачем он мне теперь?

– Напомнить тебе пословицу: заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт?

– Я лучше плиту расшибу.

Полковник даже чуть ли не курить снова начал. Но удержался. Молча сидел у окна автобуса, смотрел на пространства Святой Земли. Его крутило переживание. Иногда он даже как-то пристанывал.

Его переживание дало выход в его поступке, в Горнице Тайной вечери. Перед нами туда вошла группа протестантов. Мы вошли, крестясь, встали у входа и ждали. Они по команде выстроились. Их старший, не могу его назвать священником, громко что-то рассказывал. Вскрикивал, махал руками. Конечно, о том, что здесь были собраны апостолы и на них, по предсказанию, в день Пятидесятницы, сошёл Дух Святой. Рассказывал долго, наращивая вскрикивания. Матушка вполголоса переводила, что он тоже, как и апостолы, чувствует приближение Духа. «Я слышу Его! Он идёт! Он приближается! Я чувствую Его! Он близко! Он зде-есь! Он во мне-е-е!». И тут его прямо затрясло.

И через минуту-другую они уже все чу-у-ув-ству-у-у-ю-ю-ют!!! Вздевают руки, и, то ли хором кричат, то ли хором поют.

– Но орать-то зачем? – спросил полковник матушку Магдалину.

– Не знаю. Может быть, показать, что они такие, достойные Духа Святаго.

– Матушка, – попросил полковник. – Можно я его спрошу? Переведите.

Группа протестантов выходила. Полковник в самом деле резко тормознул их старшего. Взял за пуговицу.

– Ты чего в таком святом месте орёшь? Ты что, апостол? Какой тебе Дух Святой?

Протестант мгновенно вспотел. Матушка торопливо говорила ему: «Ай эм сори, ай эм сори!». Тот, прикладывая руку к груди и торопливо огибая полковника, говорил: «О, кей, о, кей». Их группа освободила Горницу Тайной вечери.

– Ну, Павел Сергеевич, ну, ревнитель нравственности, что ж Вы так? – выговорила матушка Магдалина полковнику. – Это ж мог быть скандал международный. Я прямо еле живая.

– С ними только так, – хладнокровно отвечал полковник. – Святая Земля, понимаешь, а они орать.

Я тоже поддержал возмущение полковника: очень уж показушно молился этот протестант. Моя поддержка улучшила его настроение.

– Ещё бы! Да и матушка Ирина меня бы одобрила.

– Ну, снова да ладом! Забудь о ней! Говорю по складам: за-будь! Ты человек сильной воли. Забудь. У тебя хорошая жена, запомни.

– Хорошая? С чего ты взял? Тебе б её, ты б её давно убил!

– Молись, будет хорошая. Ты русский мужчина! Русский мужчина верен жене! Единственной! Усвоил? И у русской жены единственный муж.

– Это в теории. А как в практике достичь? Тебе хорошо, ты уже старик. А я ещё кровокипящий.

Мы готовились к отъезду. Полковник очень страдал, пошёл в канцелярию узнать, когда вернётся группа с Синая. Сказали, что уже вернулась. Полковник рванулся увидеть матушку Ирину, но ему сообщили, что мать игумения сразу послала её сопровождать новую группу.

– Вот ведь какая Салтычиха! – возмущался полковник. – Да тут хуже, чем в армии!

– Не хуже, а лучше.

– Даже маршрута не сказали. А то бы я рванул на такси.

– Паша, опять двадцать пять?

– Можно, я одну сигаретку выкурю?

Думаю, в наступившую ночь он выкурил не одну сигарету. Аж лицом потемнел. И объявил мне, что не полетит в Москву, а поедет в Русскую Миссию и будет просить оставить его на Святой Земле.

– Прямо сейчас. Да хоть в том же Иерихоне. Или Хевроне, я их пока не выучил, путаю. Но везде же работы невпроворот. А я мужик рукастый. Что по технике, что по дереву, печку могу сложить. Русскую. Камин. Всё могу. И матушка Ирина, когда туда группу привезёт.

– Ой, Паша, Паша. Трудничество оформляется в Москве. Конечно, ты по всем статьям подходишь. Тогда, уж лучше, вообще в монахи готовься. Сколько монахов из военных, тот же Игнатий Брянчанинов. Александр Пересвет. Только оставь ты эти свои завихрения с любовью. Дай ты ей спокойно жить.

– А кто не даёт? Она сама будет решать. Она же вернётся, всё равно же её увижу. Объяснюсь! Она же России нужна. Дети будут, много надо. Я детей больше всего люблю. Ты ж видишь, – Россия чернеет, рождаемость русская падает. Она поймёт. Да и чувствую, нравлюсь ей. Разве криминал, что я, как мужчина, имею право на семейное счастье? Имею? Чего ты молчишь? В Тивериаде на озере она со мной как с человеком поговорила. И смотрела не как

монахиня. Как девушка обычная. А в Бога она может и так верить. Да и я. Бабушка, помню, говорила: Паша, больно ты жалостливый, священником будешь. А жизнь-то в военные вывела. Но там тоже, везде же бывал – попадёшь под обстрел, жмёшься к земле и только одно: Господи, Господи! Я же её полюбил, не от Бога же я её оттягиваю.

– Паша, перетерпи. Как налетело на тебя, так и отлетит.

– Нет, отец, ты что? С мясом не оторвёшь.

И опять он маялся, опять не спал. Выходил на улицу, возвращался, стоял на коленях у икон. А утром заявил:

– Нет, жизнь моя или с ней, или никак.

И, в самом деле, случилось событие из ряда вон выходящее: паломник-полковник с нами обратно не полетел. Дальнейшую судьбу его я не знаю. А интересно бы в старых, добрых традициях православной прозы закончить рассказ о полковнике тем, что вот приехал я недавно в дальний монастырь и встречаю седовласого старца и узнаю в нём героя моего рассказа.

– Помните ли Вы, отец игумен, матушку Ирину?

– Я Бога помню! – отвечает он. – Ты смотри, на службу не опаздывай. Тут у нас не армия, тут дисциплина.

Игорь Нехамес, капитан запаса

Игорь Маврович Нехамес – прозаик, капитан в отставке. Действительный член Академии российской литературы, Академии гуманитарных наук России, Академии литературной документалистики, член Союза писателей России, член Союзов журналистов России и Москвы, кавалер орденов М.В. Ломоносова и В.В. Маяковского, М.Ю. Лермонтова и Г.Р Державина. Лауреат литературных премий: им. А.А. Фадеева, им. К.М. Симонова, «Московский Парнас», «Золотая осень» (с вручением ордена С.А. Есенина), Всероссийской премии «Левша» им. Н.С. Лескова (дважды), «За лучшую детскую книгу» 2011–2012 гг. (с вручением медали имени С.Я. Маршака), «Золотое перо Московии» Московской областной организации Союза писателей России, «Серебряный крест», Всероссийской премии имени П.Л. Проскурина, лауреат Золотого диплома имени Ф.И. Тютчева, лауреат II степени второй Международной олимпиады искусств Международной федерации искусств под эгидой ЮНЕСКО в России.

И собаки защищали Москву
Рассказ

Бывают встречи, которые запоминаются на всю жизнь. Пять лет тому назад, осенью 2011 года, я находился на лечении в Московском областном госпитале для ветеранов войн, что рядом с деревней Жилино Солнечногорского района. По вечерам в рекреации собирались пациенты – участники и ветераны Великой Отечественной войны, люди средних лет, исполнявшие интернациональный долг в различных точках земного шара.

Всеобщим уважением пользовался Пётр Викторович из Серебрянопрудского района Подмосковья, 1919 года рождения.

После ужина и вечерних процедур ему всегда предоставлялось почётное право включать телевизор, выбирать желаемый канал для просмотра.

Своё первенство он определил одной фразой: «Мне уже десятое десятилетие идёт. Так что вы все – дети по сравнению со мной. И слушайтесь меня».

Часть этих «детей» сами были людьми далеко преклонного возраста – за восемьдесят и под девяносто. Но старше его на нашем этаже никого не было. Как не уступить самому уважаемому?!

Несмотря на трудную жизнь, он не сгорбился: оставался высоким, стройным, как будто бы судьба баловала Петра Викторовича.

Но на самом деле у него в жизни было столько драматических событий, которые достойны восхищения.

В середине сентября 1941 года из-под города Вязники, что ныне во Владимирской области, он вместе со своей воинской частью, составленной из выпускников стрелковых курсов, пешком за восемь дней добрался до границ Подмосковья, потому что немцы развивали наступление на столицу нашей Родины.

Батальон, где стрелком служил герой этого повествования, был пусть и без боевого опыта, но отмобилизованной боевой единицей Красной Армии. Состав батальона согласно штатному расписанию, новое обмундирование, современные по тому времени винтовки. Были и артиллерийские пушки «сорокапятки», которые тащили трудяги «ЗИСы». Издалека была слышна канонада, постоянно летали фашистские самолёты. Но командование батальона строго-настрого запретило обнаруживать себя. Большинство батальона скрывалось в тянувшемся вдоль дороги перелеске, а отдельные стрелковые окопы были очень хорошо замаскированы и ничем не выдавали себя. Даже на случай дождей имелось закамуфлированное брезентовое укрытие, которое натягивали над окопами.

Солдаты чувствовали, что боестолкновение с фашистами будет страшным, но пока война обходила их стороной. Пётр Викторович, у которого было прозвище «Владимирская жердь» из-за его высокого роста и худобы, в редкие минуты свободного времени успевал сбегать в расположенную неподалеку деревню, принести на своей широкой спине в прочном холщовом мешке картошку и самогон, чем радовал весь свой взвод. И каждый его поход заканчивался тем, что обязательно он приходил с одной или двумя собаками.

В основном это были дворняги – беспородные псы, которые отличались бесстрашием и не обращали внимание на завывание фашистских самолётов, пикирующих с целью высматривания добычи, а также на стрельбу.

Командир взвода однажды пошутил: мол, ты что, вместо нашей части хочешь притон для собак устроить?

Петруша, как ласково называли его бойцы, в ответ лишь моргал своими белесыми ресницами.

Политрук заступился за солдата:

– Товарищ командир! Собак-то всего одиннадцать! Смотрите, у нас на одну собаку приходится три-четыре бойца – всё им радость. Да и как-то, когда звери и люди вместе, то оно уютнее и надежнее. И есть о ком заботиться.

Пётр Викторович регулярно занимался с собаками. То заставлял их ползти и напрыгивать на стоявший в поле сгоревший немецкий танк, то учил двух вожаков нападать на фашистов, которых потехи ради изображали бойцы. Все собаки оказались смышлёными и различали каски наших бойцов от фашистских касок.

Однажды кто-то из солдат нёс из одного окопа в другой бачок с супом и смеха ради нацепил на себя немецкую каску, чтобы перед тем, как спуститься в окоп, крикнуть «Хенде хох!»[1]. И хотя подобная шутка могла быть опасной и окончиться тем, что его бы застрелили, но молодость брала своё.

Солдат осторожно опустил бачок в окоп, а в другом конце окопа сидели несколько бойцов и слушали политрука. Молодой солдатик крикнул «Хенде хох!». Бойцы схватились за оружие, а политрук молниеносно выхватил пистолет и направил его на солдата. Но ещё раньше отреагировал пёс по кличке Бездомный, который две недели тому назад увязался за Петрушей и по праву считался вожаком стаи. Он молниеносно прыгнул, головой ударил солдата в подбородок, а когда тот упал навзничь, то положил передние лапы на его плечи и зарычал. Все опешили. Петруша дал команду собаке отступить, и она нехотя вернулась к своему хозяину, время от времени сторожко поглядывая на испуганного бойца.

Было смешно, но от пережитого никто не смеялся. Каска слетела с головы шутника и валялась в полуметре от него. Политрук примирительно сказал:

– Вот до чего глупые шутки довести могут!

– А вам, – обращаясь к Петруше сказал политрук, – объявляю благодарность! У вас талант на обучение собак. Вроде бы и дворняга, а уже стойкая ненависть к проклятым фашистам выработана.

Все бойцы уважительно посмотрели на безродного пса.

Петяша хотел было вскочить, выпрямиться во весь рост, приложить руку к пилотке, отдавая честь, чтобы сказать «Служу Советскому Союзу и товарищу Сталину!», как вдруг вдали послышался звук летящего фашистского самолёта. Без всякой команды солдаты залегли в окопчике.

12 октября шум боя приблизился настолько, что весь батальон понял: битва будет безжалостной и чем всё кончится – неизвестно.

Ранним утром по полю поползли четыре танка. Легкие пушчонки «сорока-пятки» произвели несколько выстрелов и поменяли позиции. Два передних танка вроде бы лениво повели стволами, но звуки выстрелов оглушили, и комья земли поднялись вверх. Ротный передал по рации команду артиллеристам больше не стрелять, и танки бестрепетно продолжили свой страшный путь смерти. Так как в них больше не стреляли, то немецкие танкисты подумали, что их выстрелы оказались точными.

Один из солдат начал обвязывать себя пятью гранатами. Он поймал удивленный взгляд Петруши и хрипло сказал:

– Подползу поближе, брошу гранату. Постараюсь попасть в гусеницу. Если промажу – прыгну на танк. Не забывайте солдата Зубарева, однополчане! У нас у всех одна доля – биться за страну.

Но Петя неожиданно для всех два раза негромко свистнул и к нему подбежала такса. Подняла умную морду и застыла в готовности выполнить любой приказ.

– Снимай связку! – приказал Пётр Зубареву.

---

[1] *Хенде хох – руки вверх (нем.)*

Тот подчинился его властному голосу, но одну гранату, которую зажал в левой руке, оставил.

Политрук почти беззвучно спросил:

– Петруша! Ты что, хочешь, чтобы наш окоп проклятые фашисты отутюжили? А нас раздавили?

Петр отрицательно покачал головой. Он ловко прикрепил три гранаты на спину таксе, что-то прошептал ей на ухо, поцеловал прямо в морду и лёгким движением направил вперёд. Такса выползла из окопа и исчезла.

Все зачарованно смотрели: что же будет дальше?

Танки, освещённые солнцем, всё приближались и приближались. И они уже не казались маленькими спичечными коробками, но становились всё огромнее и огромнее.

Петя свистнул один раз, и к нему подбежала дворняжка Джульетта. Оставшиеся две гранаты он прикрепил к ней. И снова тот же прощальный ритуал. И снова лёгкое похлопывание по спине собаки перед расставанием.

Политрук удивлённо заметил:

– Петяша! Так у тебя на каждую собаку свой свист?

Пётр не успел ответить, как вдруг раздался взрыв, и шедший первым немецкий танк объяло пламенем.

– Эх, таксуля-таксуля! – плачущим голосом сказал Петруша. Может быть, встретимся с тобой когда-нибудь в раю.

Все находящиеся в окопе пригорюнились и сняли пилотки.

На втором танке открылся люк, из которого вылез удивлённый фашист. Он ловко спрыгнул на землю и быстро-быстро побежал к первому танку. Он хотел понять, в чем дело. Но испугался, что в танке взорвется боезапас, и тогда и он взлетит вместе с ним на воздух. Он быстро развернулся и побежал обратно. Бежал вприсядку, петляя. Боялся, что вдруг по нему откроют стрельбу.

Но политрук несколько раз опустил правую руку вниз, что означало «не стрелять ни в коем случае». Немец, видимо, подумал, что лидер-танк случайно подорвался на мине. Едва он захлопнул люк, и второй танк начал движение, как вдруг раздался второй взрыв – это Джульетта, благодарная за кормежку и внимание к ней, исполнила свой главный долг.

Страдание выразилось в глазах всех солдат. А у Петра показались слезы. Да он и не пытался их скрыть. Всеобщая любимица, ластящаяся ко всем, своей жизнью сохранила жизни солдат.

В идущем четвертым танке открылся люк и из него наполовину вылез немец, который стал махать руками и громко кричать:

– Ахтунг, минен! Ахтунг, минен[2]!

Первым повернул назад третий танк и на большой скорости стал удаляться с места столкновения.

Фашист, прежде чем спуститься в кабину, на несколько секунд замешкался и тут же поплатился за это. Зубарев прицелился и выстрелил. Фашист мешком упал внутрь танка.

Видимо, это был танкист-водитель, потому что танк начал крутиться на месте, а потом вообще остановился. Политрук жестами показал, чтобы трое солдат с трёх сторон поползли к танку.

К танку бойцы приближались осторожно, внимательно оглядывались вокруг, опасаясь попасть на минное поле. Из нижнего люка танка вылезли двое фашистов. Три синхронных выстрела слились в один. Немецкие танкисты остались лежать возле гусениц.

---

[2] *Ахтунг, минен – внимание, мины (нем.)*

С них ловко сняли автоматы, забрали планшеты, отрезав ремешки, а потом бросили в люк гранату. Через несколько секунд раздался взрыв.

Обратно в окоп вернулись потные, измазанные в земле, но довольные. Политрук похвалил, но в его глазах читался вопрос.

Младший сержант Анохин с грустью ответил:

– Товарищ старший политрук! Видели лапу таксы – и больше ничего.

Все пригорюнились.

Политрук сел писать донесение командиру батальона.

Петр негромко свистнул, и к нему сторожко подошли шесть собак. Каждую он приласкал, затем вскрыл банку тушенки и аккуратно стал раскладывать на порции. Собаки внимательно следили за его действиями, но никто из них к еде без команды не приближался. Зубарев благодарно сказал:

– Пётр Викторович! Вы мне жизнь спасли! Я предлагаю, после того, как собак накормите, мою банку тушенки вместе съесть.

Петр в ответ согласно кивнул.

После трапезы собаки благодарно облизали Петру руки и отползли к дальней стенке окопа. Сбились в кучу и легли – так они согревались.

Политрук кончил писать и приказал Зубареву ползти к батальонному блиндажу. И жестко указал:

– И не вздумай привставать или бежать во весь рост. Если засечёт немецкий самолёт-разведчик, то нас тут всех бомбами перепашут. Лучше дольше ползи, но приказ выполни.

Через час Зубарев вернулся обратно. Командир батальона принял донесение, поудивлялся и велел представить отличившихся бойцов к наградам.

Политрук был в недоумении: кого представлять? К какой награде? Ведь немецкие танки подбили собаки.

Стало резко темнеть. Политрук предупредил по цепочке по всем шести окопам, чтобы никто не вздумал курить. За неподчинение приказу – расстрел на месте. Некоторые были недовольны, но приказу подчинились беспрекословно. Все понимали, что находятся на самых что ни на есть передовых позициях и если фашисты почуют запах табака, а у них тоже есть солдаты-нюхачи, а также овчарки, то начнётся бой, и выйдешь ли ты живым из него – большой вопрос.

Политрук определил наблюдателей, приказал сменяться через каждые два часа, а сам пополз в другие окопы – проверять и укреплять веру бойцов в победу. За ним увязался пёс Безродный.

Солдаты улеглись в окопе на подостланных шинелях, прижались друг к другу, а двумя свободными шинелями укрылись сверху. Три собаки осторожно подкрались к бойцам и легли по бокам, согревая от раннеосеннего холодка. Зубарев шептал в ухо Петру слова благодарности:

– Вовек не забуду, если останусь жив! Оказывается, и бездомную собаку можно сделать патриотом родины – и ведь не убежала никуда! И скрытно подползла, и манёвр свой исполнила бестрепетно.

Петруша безмятежно улыбался, слушая горячечную речь своего товарища и ничего не отвечал.

Ранним утром раздался рокот. Уже пять немецких танков пошли в наступление. Сверху летал кругами самолёт-разведчик, который наши солдаты прозвали «рама». Политрук пытливо посмотрел на Петра, и тот стал готовить собак к бою. По очереди выпустил всех пятерых.

Пока третья собака ползла к танку, две первые совершили подрывы. Танки загорелись, а ветер разносил огонь. Танкисты выбраться не смогли. Третий танк повернул было обратно,

но собака успела кинуться под гусеницы. Танк накренился и от взрыва упал набок. Зубарев не выдержал и радостно закричал:

– Ура! Мы побеждаем!

Через мгновение он уже валялся на дне окопа с разбитыми губами – политрук навел порядок.

Зубарев остался сидеть на дне окопа и прижимал к губам большой солдатский платок, который набухал от крови.

Политрук свистящим шёпотом сказал:

– Если ещё кто-то нарушит мою команду – задушу собственными руками!

Все застыли в страхе, потому что знали недюжинную силу политрука: он на ходу останавливал мотоцикл, ухватившись за ручку, он подтягивался на турнике 35 раз, он кидал учебную гранату-лимонку за 80 метров и вообще, несмотря на свой невысокий рост, был жилистым и прыгучим. Да и бойцы понимали правоту его слов, а случай с солдатом Зубаревым посчитали совершенно правомерным, да и сам солдат на избиение не обижался.

Постепенно Зубарев кровь остановил и вдруг раздался мощный взрыв. Это старая восточно-европейская овчарка, следуя примеру своих сородичей, тихонько подкралась к четвертому танку. Пятый танк вырвался вперед и на скорости мчался к окопам. В небе появилась «рама». Политрук точно знал, что у танкистов нет радиосообщения с самолетом, но в это мгновение растерялся, потому что танк двигался синхронно с пролетающим самолетом. Танк на мгновение остановился. И политрук в бинокль увидел, как еще одна собака прыгнула сзади на танк. На ней было четыре гранаты, и танк после взрыва загорелся. Один танкист попытался вылезти из верхнего люка, но языки пламени добрались до него, и жуткий вой разнёсся над перелеском. Немецкий танкист начал кататься по земле, пытаясь сбить пламя. Но постепенно затих. А огонь методично пожирал его форменную одежду.

И снова политрук сел писать донесение об уничтожении без единого выстрела и без потерь среди бойцов пяти вражеских танков. И снова Зубарев пополз с донесением к командиру батальона. Вернулся он через полтора часа, таща с собой пятилитровую банку самогона. Бойцы было оживились, но политрук бестрепетно вскрыл банку и вылил содержимое за бруствер окопа. Зубареву же сказал:

– Ещё раз позволите себе самовольную выходку, расстреляю перед строем.

Зубарев пристыженно молчал.

Ближе к вечеру политрук приказал Петру:

– Возьми с собой двух бойцов, крадучись идите в деревню, возьмите немного провианта и, если удастся, примани еще приблудных собак. Думаю, что немцы на этом участке больше наступать не будут. Но ты меня потряс: воюешь на расстоянии и сберегаешь мне личный состав.

Пётр на скупую похвалу политрука лишь пожал плечами.

Вернулись бойцы уже перед полуночью. Следом за ними семенили три пса. Один из них узнал пса Безродного и стал тереться об его бок. Две другие собаки тоже оказались дружелюбными. Зубарев восхищённо мотал головой:

– А ещё собак скотинами называют! Какая же это скотина? Это первые помощники людей. И защитники тоже.

Под бормотанье Зубарева остальные солдаты распаковывали вещмешки пришедших, в которых лежала немудрящая снедь. Шкурки от сала, немного молока и вареная картошка Петр разделил между четырьмя собаками. Больше всех досталось псу Безродному. Остальные собаки почитали его за вожака.

14 октября 1941 года на позициях было тихо. Лишь сгоревшие немецкие танки напоминали о произошедшем. А рано утром 15 октября к ним в окоп вместе с командиром батальона крадучись в полуприсяде пришли двое неизвестных. Они были в кожаных куртках и по их

голосам и суровым взглядам можно было понять, что это были немаленькие по должности командиры, потому что командир батальона все время старался встать перед ними навытяжку.

Плотно сбитый невысокий мужчина с лёгкой сединой на висках снял фуражку, несколько минут отдыхивался, а потом, стараясь сделать свой грубый голос помягче, поинтересовался у политрука:

– Представьте мне того бойца, который при помощи собак за два дня подбил девять танков.

Пётр, который в углу окопа возился с двумя собаками, надевая на них железный пояс, а они неохотно ему подчинялись, слегка привстал, но не в полный рост, чтобы его не было видно из окопа, и доложил о себе.

Неизвестный командир в кожанке оценивающе осмотрел Петра. Вероятно, ему понравилась его спокойная уверенность в себе, и он спросил:

– Доложите мне, как вам удается наладить контакт с собаками всего за несколько дней! Это ваши собаки? Из владимирских лагерей?

– Никак нет, товарищ спрашивающий! Простите, не знаю вашего имени и отчества и воинского звания.

Неизвестный усмехнулся:

– Продолжайте доклад!

– Да вообще-то я с собаками себя сызмальства помню! И даже буйных приручал лет с четырёх. Видно, способности у меня есть к собакам. А потом, нет такого пса, если его покормить, погладить, да за ухом почесать, чтобы тебя потом укусить пытался. А если ему потом пошепчешь, да возле себя положишь, то он потом за тебя в огонь и в воду пойдёт!

Договорить он не успел, потому что невесть откуда появился фашистский бронетранспортёр и стал носиться вдоль перелеска, время от времени постреливая.

Петр подозвал к себе едва слышным свистом пса Безродного, быстро надел на него амуницию, что-то шепнул, поцеловал собачью морду и легонько шлёпнул правой рукой по спине. Собака очень аккуратно выползла из окопа, сделала несколько прыжков и исчезла из виду, слившись с осенней землёй. Сучка Лялька, которая была подругой Безродного, начала было подвывать, но Пётр сказал ей какое-то слово, и она тут же замолчала.

Все внимательно вглядывались вперёд. Ощущая свою безнаказанность, немецкий бронетранспортёр остановился и начал хищно поводить дулом пулемёта из стороны в сторону. Это продолжалось минут десять. Командир в кожанке не выдержал тягостного молчания и спросил:

– И когда же это произойдёт?

Ответом ему был взрыв бронетранспортёра.

Лицо Петра напряглось, на глазах выступили слёзы – он переживал за ставшую родной собаку.

Оба командира покачали в удивлении головами, а командир батальона в полуприсяде подошёл к Петру и сказал:

– Десять вражеских машин за четыре дня! Ну ты герой!

Неизвестный в кожанке скомандовал:

– Командир батальона! Обеспечьте прикрытие из пяти солдат. Вон там, в перелеске, за большой копной стоит наш автомобиль. Мы туда должны вернуться.

И приказал Петру:

– Следуйте с нами.

За время службы Пётр привык беспрекословно подчиняться, но в этот раз попросил:

– Разрешите попрощаться с бойцами, товарищем старшим политруком и с командиром батальона? Я понял, что вы меня насовсем забираете.

Командир в кожаной куртке одобрительно похлопал Петра по спине:

– Соображаешь, однако! Если мы при помощи твоего метода с фашистами воевать будем, то победим быстрее, а твои товарищи домой в семьи вернутся. Живыми и здоровыми.

Пётр каждого обнял и пожал руки. Когда очередь дошла до политрука, тот сказал ему:

– За первый бой я тебя к медали «За отвагу» представил, а за второй – к ордену Боевого Красного Знамени. Командир батальона подтвердил, что наградной лист передали по назначению.

Но оба незнакомых офицера уже торопили Петра, поглядывая на часы:

– Меньше чем через десять минут «рама» прилетит, а потом бомбардировщики появятся. У нас радисты сообщения перехватывают.

Через десять минут все произошло так, как предсказывали оба незнакомых командира – появилась «рама». Бойцы только-только сопроводили троих к ожидающему их автомобилю и начали возвращаться обратно.

«Рама» засекла одного из бойцов, который полз со снайперской винтовкой, потому что солнечный луч отразился в окуляре прицела. «Рама» пошла на вираж, чтобы получше рассмотреть, что это такое. Солдаты начали стрелять из автоматов вверх и подбили немецкий самолет на выходе из пике.

Тут же все заторопились обратно в окоп. Взрывной волной их отбросило на землю, а самолёт загорелся. Немецкий лётчик так и погиб в самолёте.

Через два часа Петра доставили в один из маленьких подмосковных городков. Приказали привести себя в порядок и быть готовым к докладу.

Он сидел в маленькой комнатке и дивился произошедшей в его судьбе перемене.

Тот самый офицер в кожаной куртке пригласил его следовать за ним.

Вошли в кабинет. Навстречу из-за стола вышел красивый с усталым лицом высокий генерал-лейтенант, который оказался ростом почти вровень в Петром. Он доброжелательно улыбнулся и протянул руку:

– Командующий фронтом Константин Рокоссовский!

Петр ответил и осторожно пожал командующему руку. Рукопожатие у командующего оказалось очень сильным.

Командующий предложил присесть рядом. Пётр осторожно присел на стул, потому что уже почти три месяца на стульях не сидел. Командующий понял это и благожелательно улыбнулся:

– Докладывайте о своих подвигах! У вас есть две минуты.

Пётр коротко доложил и попытался встать. Рокоссовский удержал его за плечо:

– А вот того не надо! Когда нужно будет, я сам прикажу. А ваше старание я вижу и ценю.

Он посмотрел на незнакомого офицера:

– К награде представили?

– Да, товарищ командующий. Сразу к двум. За первый бой к медали «За отвагу», за второй – к ордену Боевого Красного Знамени.

Рокоссовский задумался, потом встал, прошелся по кабинету, открыл сейф и достал две коробочки. Сам открыл их и прикрепил к гимнастерке Петра сначала медаль «За отвагу», а потом орден Боевого Красного Знамени. Орден был на винте.

Солдат взволнованно произнес:

– Служу Красной Армии и товарищу Сталину!

Константин Константинович Рокоссовский крепко обнял награждённого бойца, а затем сказал незнакомому командиру:

– К вечеру доставить в Москву, в Сокольники. Поставить на довольствие и определить к дрессуре собак для боевого использования.

– Вы молодец! За три-четыре дня делаете то, на что другим нужны месяцы и месяцы. Я тут ещё несколько строк черкну командиру питомника, чтобы он вас ещё и инструктором сделал – старшим над другими бойцами-кинологами. Вы – собачник от Бога.

…Немцы наступали и наступали на Москву. Жители и Красная Армии обороняли родную столицу. Пётр к началу контрнаступления 4 декабря 1941 года подготовил двадцать шесть собак. И ни одна из них не вернулась обратно в питомник. Единственное, что утешало его, так это донесения с разных мест Подмосковья. Все собаки выполнили боевые задания.

Когда фронт откатился от столицы, его перевели в специальный питомник под Лобню. Там он от своих же товарищей-инструкторов получил прозвище «живодёр». Обижаться было некогда, время было военное, суровое, да и работа была безжалостной, потому что собаки сразу направлялись в войска. А вот у его товарища по кинологической службе собаки были санитарами. А ещё были собаки, которые искали мины. Были собаки – доставщики спецсообщений. Были и караульные собаки, были и собаки, которые ходили в рейды с разведчиками.

Но когда Пётр Викторович шёл по территории мимо вольеров к своему месту службы к своим боевым собакам, то почему-то все другие собаки затихали, а солдаты вытягивались в струнку и обращались к нему почтительно.

Женился Пётр Викторович только в сорок лет. Демобилизовался в звании майора. Вроде боевой офицер, награды на кителе, а почему-то девушки его опасались. Как он только знакомился и вглядывался в них, то им становилось неловко. Но нашлась одна, подавальщица в столовой Валентина. У неё была маленькая собачка, которая всё время визгливо лаяла и крутилась под ногами. Но когда Пётр Викторович заходил в колхозную столовую, то она почему-то сразу затихала и льнула к нему. Когда он пришёл обедать второй раз, то Валентина присела к нему за стол, доверчиво обняла его правую руку и призналась:

– Мне мать моя говорила: «Как только встретишь человека, которого собаки любят, так за него замуж сразу выходи!» Вот я вам в любви и признаюсь.

Пётр Викторович впервые в жизни засмущался, хмыкнул и ничего не ответил.

Двадцативосьмилетняя девушка наклонилась к его руке и поцеловала её.

Разница в двенадцать лет оказалась на пользу в старости, когда Пётр Викторович разменял десятый десяток. А супруга Валентина по-прежнему бодра, энергична и гордится своим мужем. Они вырастили четверых детей, десять внуков и имеют уже трёх правнуков.

Когда период профилактического лечения в госпитале заканчивался, она приехала с детьми и внуками забирать своего ненаглядного.

Пётр Викторович спустился со ступеней госпиталя. Все родственники выстроились перед ним от старого до малого, а он поочередно обнял каждого из них. Он выглядел бодро и энергично пошагал к ожидавшей его машине. Солдат всегда в боевом строю!

Сила ненависти
Рассказ

Деревенька Жилино приютилась неподалеку от большой деревни Крюково. Вроде ничем не примечательна – около сорока дворов, стояла она в окружении замечательного соснового бора. На краю – большой пологий холм, с вершины которого просматривалась вся округа. У подножия холма стояла изба семьи Богатырёвых. Дед и отец ушли ополченцами защищать Москву, а мать, она же дочь деда, осталась с двумя детьми – четырнадцатилетней Любой и шестилетним Костиком.

Фашисты вошли сюда 21 октября 1941 года. Немного пограбили дома, а потом здесь оставили штаб дивизии. Поэтому пять забитых коров да десятка два курей, насильно взятых у селян, – это был только маленький оброк, потому что кормить крестьянам нужно было почти двести захватчиков.

Гауптман собрал всех местных жителей на площади возле сельсовета, затем забрался на грузовик, брезгливо осмотрел толпу, состоящую из стариков, женщин и детей, и нахально сказал на хорошем русском языке:

– Я вижу, что вы все рады нашему приходу. Вот стоит ваш батюшка, а рядом с ним пожилой мужчина, который держит хлеб-соль. Поэтому немецкое командование проявило к вам милость и оставляет вас всех жить в ваших домах. Вашу скотину больше никто забирать не будет. В каждом доме поселятся от трёх до восьми доблестных солдат вермахта. Ваша обязанность – обеспечить им питание, уход и заботу. Те, кто будет ревностно служить немецкому рейху, обихаживая наших солдат, будет получать дополнительно скотину и корма. Если кто-то попытается встать на пути наших воинских частей или совершать диверсии, то мы их будем публично вешать. Также будем после каждого акта неповиновения забирать по десять детей для отправки в Германию. Все понятно?

Толпа угрюмо молчала. Матери в страхе и отчаянии прижимали к себе детишек, которые испуганно жались к ним, как цыплята к наседке.

Немец усмехнулся. Затем примирительно сказал:

– Сейчас подъедет немецкая кинохроника. У вас должны быть счастливые лица. Каждому ребёнку раздадут по две советских конфетки. Мы уже захватили вашу фабрику «Красный Октябрь» и стоим на окраинах Москвы. Когда я дам команду, хлопнув два раза в ладоши, то вы должны улыбаться и радоваться встрече со своими освободителями от большевизма.

Несколько старушек зарыдали, услышав новость о том, что немцы, якобы, уже на окраинах Москвы.

Гауптман недовольно погрозил пальцем. Старушки расплакались ещё сильнее.

Несколько солдат подошли к ним и бестрепетно выдернули из толпы, подталкивая за ближайший дом. Кто-то в толпе охнул:

– Сейчас расстреляют!

Гауптман рассмеялся:

– Их никто не тронет. Их только положат на землю и будут держать под прицелами автоматов.

Одна из старушек утерла слёзы и попросилась обратно в толпу. Её милостиво отпустили. Ещё трое побрели к своим домам. Немцы их удерживать не стали.

Приехала машина кинохроники.

Немецкие солдаты начали бесцеремонно расставлять людей.

Немка с санитарной сумкой через плечо стала доставать из неё конфеты и раздавать ребятишкам.

Кинооператор увидел в толпе замотанную в платок четырнадцатилетнюю Любу Богатырёву и поманил её пальцем. Девочка без опаски подошла к нему. Немец сдёрнул головной платок и светлые волосы рассыпались по плечам. Оператор довольно крякнул:

– Колоссаль!

Люба ответила ему по-немецки:

– Герр кинооператор! Я ведь все-таки фройляйн, и вы могли бы меня попросить снять платок. Я бы сделала это с изяществом и уважением к вам.

Немец остолбенел: здесь, в центре России, в глухой деревеньке он услышал родную речь, да ещё она своим замечанием выставила его солдафоном – грубым и неотесанным.

Гауптман при помощи двух солдат спрыгнул из кузова грузовика и строевым шагом подошёл к беседующим. По-русски обратился к Любе:

– Что случилось, крестьянка? Почему вы не выполняете указания достойного представителя немецкой кинохроники?

Люба смело посмотрела ему в глаза и нараспев сказала по-немецки:

– Герр гауптман! Я бы предпочла говорить с вами на вашем родном языке. По-русски вы говорите хорошо, но пусть здесь вы снова вспомните о родине.

Капитан довольно загоготал:

– Действительно, фройляйн! Я привык по-немецки отдавать только команды и, к сожалению, даже и о расстреле. А вы так хорошо говорите по-немецки, откуда это?

Кинооператор тактично отошёл от офицера на несколько шагов и стал настраивать аппаратуру. Нацелил объектив на девушку и на капитана, и кинокамера застрекотала.

Гауптман по-отечески поправил спутанные волосы девушки и вкрадчиво сказал:

– Фройляйн! Я, возможно, бестактен, беседуя с вами здесь, но я готов навестить вас дома, а может быть, даже и поселиться в ваших покоях.

Люба растерялась. В это время к немцу подскочил шестилетний Костик и сжал кулаки:

– Не смей трогать мою сестру!

Гауптман недовольно повернулся и хотел было пнуть мешающего его галантной беседе мальчонку. Но потом передумал, достал из кармана теплого плаща с подбоем небольшую шоколадку и протянул её ребенку:

– Может быть, мы будем ещё и родственниками, поэтому не кричи на меня.

И осклабился, показав ровные белые зубы.

Люба тихонько шепнула брату:

– Костик! Возьми шоколадку и скажи по-немецки «спасибо»!

Тот понял, что сестра затеяла какую-то игру и подчинился:

– Данке шен, герр гауптман!

Затем он учтиво взял шоколадку двумя пальцами и стал её внимательно рассматривать. Довольный гауптман потрепал его по голове, а кинооператор продолжил съемку.

Затем он направил кинокамеру на толпу, и все стали послушно улыбаться. Сделала это и мама Любы и Костика, потому что поняла, что немцам это надо для чего-то и, видимо, от послушания местных жителей будет зависеть будущее деревни.

Гауптман широко раскинул руки и со всей доброжелательностью, на которую он был способен, произнес:

– Я и вверенное мне подразделение по охране штаба дивизии благодарим вас, московиты, за проявленное к нам внимание.

В это время ему навстречу двинулись семидесятипятилетний местный житель Игнат и батюшка из храма, что в деревне Крюково. Его привезли сюда несколько автоматчиков и разъяснили, что он должен делать.

Батюшка вздохнул и произнес:

– На всё воля Божья, и пока мы вам, супостаты, будем подчиняться.

Немецкий переводчик перевёл так, что выходило, будто бы он готов принять новую власть. Кинооператор, радостно двигаясь по мёрзлой земле, снимал и снимал. По его разумению, киноэпизод выходил удачный. Он отступил на несколько шагов, чтобы лучше было видно, как гауптман ломает каравай и макает краюшку хлеба в солонку.

Дед Игнат хотел было прошептать «жри, скотина, и подавись!», но вовремя сдержался, потому что понял, что если гауптман хорошо говорит по-русски, то реакция с его стороны может последовать самая непредсказуемая. И от покорности Игната во многом зависит судьба деревни Жилино.

Пожевав кусочек хлеба, гауптман запил стопкой водки и слегка скривился. Все жители внимательно наблюдали за его действиями.

Затем гауптман неожиданно обратился к людям:

– А вы довольны приходу немецких войск в вашу деревню?

Люба дипломатично ответила:

– Раз уж вы добрались и до нашей деревеньки, то, значит, войск у вас много, сила ваша велика, и я уже даже видела семнадцать танков и три зенитных орудия. А сколько же идёт ещё и на Москву!

Гауптман покивал ей и добавил:

– Танковая армия Гудериана и почти шестьсот тысяч немецких солдат готовы промаршировать по Красной площади. Так что вы правильно говорите о мощи вермахта, Люба!

Съёмка окончилась. Немецкие солдаты стали показывать жителям, чтобы они расходились. Гауптман взял присмиревшего Костика за руку и подвёл его к матери:

– Возвращаю вам вашего смелого малыша, но в следующий раз скажите ему, чтобы он был почтительнее с солдатами немецкой армии, а перед офицерами стоял навытяжку.

Костик обидчиво опустил голову.

Затем гауптман сделал знак двум солдатам, и они подошли к нему:

– Я расположусь в квартире этой доброй крестьянки. Думаю, что не будет возражать и фройляйн Люба. Возьмите мои вещи из кузова грузовика и отнесите в их дом. Я подойду позднее.

И он стал с дедом Игнатом договариваться: где и по сколько солдат разместят в крестьянских избах.

Валентина Никаноровна наклонилась к Костику и тихонько шепнула ему:

– Сынуля! Быстренько убери все фотографии дедушки и отца из горницы и из спальни. Заверни в холстину и спрячь в закутке в сарае.

Мальчик всё понял и быстро побежал вперёд.

Немецкие солдаты покорно тащили три огромных чемодана. Люба специально замедлила шаг и стала разговаривать с солдатами по-немецки. Её внимание было им приятно, и все они с удовольствием переговаривались.

Валентина Никаноровна приостановилась, достала из большой холщовой сумки небольшой жбанчик с квасом и стала угощать солдат. Они пили из одного стакана и, радостно смеясь, благодарили «русскую матку».

Валентина Никаноровна подливала им и приговаривала:

– Жаль, что вы не будете у нас жить, я бы угостила вас и коровьим молоком.

Она специально затягивала время, чтобы Костик успел выполнить её поручение.

Не спеша дошли до избы Богатырёвых. Костик встретил их у ворот в угодливом поклоне. Зашли через калитку. Немцы поднялись на крыльцо и поставили чемоданы у дверей. Спустились с крыльца, отошли на несколько шагов и с наслаждением закурили. Минут через десять подошёл гауптман. Он хмуро спросил одного из солдат:

– Почему не занесли вещи в дом?

Солдаты ответили, что не знают, в какой комнате остановится герр гауптман.

Капитан похвалил их за исполнительность и добросовестность. Он обратился к Любе на немецком языке:

– Фройляйн, ведите меня в свои покои и выделите мне комнату.

Люба подумала, что лучше всего поселить капитана в горнице, а они продолжали бы жить в спальне и детской.

Гауптману горница понравилась. Он даже несколько раз подкинул одну из трёх подушек, лежащих на широкой железной кровати.

Солдаты стали споро распаковывать чемоданы.

Валентина Никаноровна принесла и показала на стоящее в коридоре оцинкованное ведро, прикрытое фанеркой. И, чуть смущаясь, объяснила, что туда можно оправляться. Немец удовлетворённо покивал головой. В туалет на улицу он ходить не собирался.

Затем он прошёл и внимательно обследовал всю избу. Второй солдат ходил за ним следом.

Осмотр закончился. Гауптман прошёл в кухню и попросил Валентину Никаноровну покормить его. Стараясь умаслить квартиранта, Валентина Никаноровна выставила и отварную картошку, и рыбу, и разносолы. А также поставила и графинчик водки.

Гауптман приказал солдатам поселиться в соседнем доме, метрах в тридцати от избы Богатыревых. А сам приступил к трапезе. Ел он молча, а Люба и Валентина Никаноровна стояли в дверях и наблюдали за ним.

Поев, гауптман представился на русском языке:

– Меня зовут Фридрих. Фамилия моя Паульсен. Когда нет немецких солдат, можете обращаться ко мне «герр Фридрих». При солдатах называйте только «герр гауптман». Сейчас пусть мать помоет меня, и я лягу отдыхать. Никаких посторонних в доме быть не должно. Если кто-то из вас что-либо у меня возьмёт посмотреть или украдёт – расстрел на месте. Если я вас сам не позову – меня не беспокоить. Я люблю играть в лото и разрешу вам составлять мне компанию. Мои сапоги будут стоять снаружи у дверей горницы. Они всегда должны быть помыты и начищены. Также вы должны заботиться о безупречном виде моего мундира и моего плаща и ежедневно стирать моё нижнее бельё.

Валентина Никаноровна потемнела от обиды, но сдержалась: немцы начали устанавливать свои порядки.

Вечером, когда стемнело, гауптман проснулся. Он прошёл в кухню в кальсонах и в майке и потребовал хорошего ужина, как днём. Валентина Никаноровна достала оладьи, огурчики и поставила подкипать самовар.

Высокий и худощавый Фридрих съел и приготовленное ему, и то, что оставляли себе на ужин Богатырёвы. Затем ему захотелось играть в лото. Он проиграл около трёх рейхсмарок и небрежно сдвинул монеты Любе. Время от времени он похотливо посматривал на девушку.

Валентина Никаноровна глазами показала Любе, что если он прикоснётся к ней, то мать размозжит топором ему голову. Но немец повёл себя тактично:

Он предложил Любе выйти из комнаты, а сам обратился к матери:

– Мне нравится ваша дочь. Я – молодой мужчина, не женат, мне двадцать шесть лет, в ноябре меня произведут в майоры, а в декабре, когда захватим Москву, дадут подполковника. Я – выгодный жених.

Валентина Никаноровна помолчала и сказала:

– Когда будете подполковником, тогда продолжим этот разговор.

Немец обиженно надулся:

– Я могу сейчас изнасиловать вашу дочь в вашем присутствии и в присутствии её брата. Лучше договориться сейчас вдвоём.

Валентине Никаноровне в голову пришла спасительная мысль:

– А что, так невенчанные и начнёте семейную жизнь?

Немец задумался:

– Ну, если для вас так важен этот обряд, то я согласен на него и даже дам выкуп за вашу дочь. Что предпочитаете: рейхсмарки, золото?

Валентина Никаноровна попросила:

– Господин Фридрих Паульсен! А можно, мы батюшку позовём – Люба сбегает. А он уже скажет, с какого возраста можно выходить замуж.

Капитан благосклонно кивнул в ответ.

Мать вышла к Любе и уже через минуту хлопнула входная дверь.

Батюшка ещё не уехал к себе в храм в Крюково. Он откликнулся на просьбу Любы.

Немец милостиво разрешил батюшке сесть и по-русски поинтересовался:

– Ответьте мне на три вопроса. Можете коротко отвечать «да», и мы назначим дату венчания.

Батюшка вопросительно посмотрел на Валентину Никаноровну, увидел боль в её взгляде и неопределённо покивал.

Немец взял ситуацию под свой контроль:

– Вы проводили когда-нибудь венчание?

Батюшка хотел сказать, что с супостатами никогда не проводил и проводить не собирается, но решил сдержаться и односложно ответил: «Да».

– Сколько времени нужно на подготовку обряда венчания? – продолжил гауптман.

– Недели две-три, – ответил батюшка.

Немец недовольно поморщился, но по его лицу было видно, что он согласен.

– Покров уже прошёл, свадьбу играть можно, – встряла Валентина Никаноровна.

Немец поощрительно улыбнулся Валентине Никаноровне: похоже, дело слаживалось.

И он задал последний вопрос:

– С какого возраста у вас можно вступать в брак по светским и церковным законам?

Батюшка встал и твёрдо ответствовал:

– Предельно низкий возраст – пятнадцать лет. До этого периода девушка считается ещё ребёнком.

Ответ немного расстроил капитана. Он побарабанил пальцами по столешнице, а потом вдруг попросил-приказал:

– Принесите мне метрику Любы.

Валентина Никаноровна охнула, но перечить не посмела.

Немец внимательнейшим образом изучил свидетельство о рождении и сказал:

– 10 декабря 1926 года. Значит, свадьбу назначаем на следующий день.

Потом уточнил:

– До этого периода я вашу дочь трогать не буду и даже целовать не буду. Но чтобы она себя блюла.

Батюшка усмехнулся:

– Господин капитан! Где у нас тут молодые-то мужики есть? Так что верна-то она вам будет, раз уже сговорились.

Валентина Никаноровна в страхе посмотрела на батюшку и увидела лукавинку в его глазах. Это еёуспокоило и она только поклонилась немцу.

А тот встал и молча вышел из кухни.

Люба сидела в спальне и горько плакала: её судьба решалась без неё.

Минут через 15 немец вышел из своей комнаты и укрепил на косяке входной двери дощечку с колокольчиком. Один конец длинного шнурка он продел в специальное кольцо, а провел в комнату. Позвал хозяйку и показал ей:

– Я дергаю один раз – ко мне приходите вы. Два раза – Люба. Три раза – ваш маленький сын. Если дергаю четыре раза, вы приходите все вместе. Он зашёл в свою комнату и дер-

нул шнурок. Колокольчик громко зазвонил. На звук вышла Люба, вытирая слёзы. Довольный, Фридрих ушёл к себе в комнату.

Люба приобняла мать за плечи, отвела её на кухню и тихонько прошептала:

– Вот так, мамочка! Ты, знатная колхозница, и я, ученица 7 класса, отличница, стали слугами.

Опять раздался звоночек. Валентина Никаноровна пошла в комнату к немцу, через несколько секунд вышла с потемневшим лицом и яростно зашептала Любе:

– Он требует, чтобы я его мыла. Всего!

Люба застыла в отчаянии. Потом выдавила из себя:

– Мама! Ты же Костика-то купаешь?

Мать тяжко вздохнула и пошла греть воду.

После помывки фашиста Валентина Никаноровна долго не могла успокоиться: это была моральная пытка.

Из-за закрытой двери раздавался храп.

Валентина Никаноровна обиженно прошептала:

– Слава Богу! Уснул, немчура.

Люба в это время прилаживала к двери своей спаленки еще одну щеколду – мало ли что ещёвтемяшится немцу в голову?!

В пять утра следующего дня раздался звонок – Фридрих Паульсен требовал к себе Валентину Никаноровну.

Она быстро набросила на себя халат и со спутанными волосами зашла в комнату к немцу. Тот отрывисто приказал:

– Через десять минут я должен кушать, а вечером приду около семи часов.

– Куда же вы, батюшки-светы, Фридрих?

Гауптман значительно посмотрел на неё и ответил:

– Мы будем строить один объект, и я буду там руководить.

Валентина Никаноровна деланно выказала ему своё восхищение, что очень понравилось немцу. Он решил, что повысил свой авторитет в глазах простой русской крестьянки.

По 6 ноября 1941 года Фридрих уходил очень рано и возвращался уже затемно. Немцы работали как проклятые.

Валентина Никаноровна привыкла к такому режиму дня немца. Смирилась она и с его ежедневными купаниями.

Любу он будто бы не замечал, а малышу иногда давал конфетку или шоколадку.

Костик односложно говорил «данке шен», брал подарок и убегал в комнату к матери.

Фридрих Паульсен смотрел ему вслед и негромко говорил сам себе:

– Ничего, и этого дикарчонка приручим.

Днём 7 ноября 1941 года гауптман вышел из дома в сопровождении трёх солдат. Валентине Никаноровне и её детям приказал на улицу не выходить. Вечером в окно постучала испуганная соседка и сообщила, что в деревне Крюково взорвали три немецкие автомашины, и погибло несколько солдат из шофёрской обслуги и охраны.

Едва соседка ушла, пришёл злой гауптман и сходу спросил:

– Вы ничего не знаете?

Люба ответила ему на немецком языке, что они были дома, как приказал гауптман, а к ним никто не приходил.

Немец подумал-подумал и рассказал о произошедших в Крюково событиях.

– Некоторые ваши жители, Валентина Никаноровна и Люба, не хотят честно служить Германии, их всё равно найдут и расстреляют, а лучше – повесят. Если что-то произойдёт у нас в деревне, то мы расстреляем десять взрослых, а десять детей пошлём в Германию.

Валентина Никаноровна охнула и стала мелко-мелко креститься.

Довольный произведённым эффектом Паульсен снял в коридоре сапоги и в носках прошёл в комнату. Перед тем как закрыть дверь, он кивнул Валентине Никаноровне: мол, помой и почисть сапоги.

Пришлось выполнять приказание.

Режим охраны вокруг деревни Жилино усилился. Как поняла Люба, объект достраивали, а потому немцы не хотели излишней огласки.

Люба решила во что бы то ни стало узнать, что это за объект. Вечером 10 ноября 1941 года она попросила разделить трапезу вместе с гауптманом. У немца было хорошее настроение и он милостиво разрешил. Подавала на стол Валентина Никаноровна. Костик стоял в дверях и с обидой смотрел на сестру и на немца. Тот вальяжно махнул мальчику рукой, чтобы и он садился за стол.

Подав блюдо, Валентина Никаноровна тоже пристроилась на табуретке у края стола. Немец пил рюмку за рюмкой и философствовал:

– Великая Германия совсем скоро пройдёт парадом по Красной площади. Потом война закончится. Советы мы выбросим за Урал. Я буду здесь большим человеком – землевладельцем. Мне нравится ваша чистоплотная семья, ваша исполнительность и ваша готовность служить нам, арийцам. Люба, откуда ты так хорошо говоришь по-немецки?

Люба простодушно отвечала:

– Сама не знаю, почему, герр гауптман. Во втором классе нашла немецкую книжку с русским переводом и стала читать. Мама привела меня к учительнице немецкого языка. Та сказала, что у меня большие способности и начала со мной заниматься.

За каждые два месяца мы отдавали ей курицу. А уже в четвертом классе, когда по школьной программе стали изучать немецкий язык, у меня были одни пятерки. В апреле 1941 года я ездила на областную языковую олимпиаду в Москву. Там я получила золотой жетон победителя и двухтомник немецкого поэта Генриха Гейне.

Люба попросила у немца разрешения отлучиться на минуту и возвратилась обратно с жетоном, Похвальным листом и двухтомником немецкого поэта.

Фридрих Паульсен заинтересовался. Внимательно посмотрел грамоту, перелистал книги.

Люба предложила:

– А давайте я вам почитаю наизусть несколько стихотворений!

Немец благосклонно кивнул.

Люба читала самозабвенно, с увлечением. Прочитала пять или шесть стихотворений подряд. Фридрих Паульсен с восхищением смотрел на неё. А потом сказал:

– Когда ты выйдешь за меня замуж, ты станешь гражданкой великой Германии. Твоя мать получит вид на жительство, как и твой младший брат. А сейчас, Люба, я пью за твоё здоровье.

Он выпил рюмку до конца и как-то сразу опьянел.

Валентина Никаноровна и Люба еле дотащили его до кровати. Он упал и захрапел. Люба увидела, как из планшета торчит небольшая записная книжка. Она тихонько вытащила её, выключила свет в комнате и осторожно вышла. Затем взяла карандаш и начала быстро перерисовывать схемы, которые увидела в записной книжке. Мать стояла возле дверей в горницу и внимательно вслушивалась в храп Паульсена.

Через двадцать минут Люба закончила свою работу. Осторожно зашла в горницу и положила записную книжку в планшет точно также, как она лежала раньше.

Потом быстро оделась и сказала матери:

– Я скоро вернусь.

Сложенные листы со схемами она спрятала в валенок под стельку.

Минут через сорок она вернулась весёлая и довольная.

Мать не спрашивала у Любы, куда она ходила и зачем. Она поняла, что этого ей лучше не знать.

Через три дня прилетели бомбардировщики с красными звёздами на крыльях и начали скидывать бомбы на край леса, где велось строительство. После бомбежки, спустя некоторое время, пятеро немцев принесли гауптмана; его контузило. А несколько солдат были убиты.

Валентина Никаноровна и Люба поочередно ухаживали за Фридрихом Паульсеном, а в коридоре неотлучно находился и спал на полу немецкий солдат.

Два раза в день из Крюково привозили доктора, потому что Фридрих Паульсен категорически отказался лечиться в госпитале. Доктор внимательно осматривал больного и каждый раз всё более оптимистично говорил:

– Зер гут! Зер гут!

Действительно, дело шло на поправку.

Хотя гауптман и болел, но время от времени приходил в себя и требовал продолжения стройки. Немецкий солдат убегал передавать его приказания, а потом возвращался обратно.

25 ноября вечером раздался звонок. Валентина Никаноровна опрометью бросилась в горницу. По комнате прохаживался гауптман, и его молчание было зловещим. Он спросил:

– Люба и ты ни с кем не общаетесь?

Трясясь от страха, Валентина Никаноровна упала перед ним на колени и испуганно зашептала:

– Нет, нет! Мы ни с кем не общаемся! Дом, скотина во дворе – вот наши маршруты.

Видя такую покорность, немец слегка смягчился, но проговорился:

– Мои солдаты видели человеческие следы невдалеке от вашего дома. Он стоит на отшибе. Не приходили ли сюда партизаны?

Валентина Никаноровна заохала:

– Да разве ж такое может быть? Какие партизаны! Мы никому не нужны и нам никто не нужен!

Но немец оставался задумчивым. Неожиданно он взял шнурок и дернул два раза, требуя Любу. Девушка пришла без промедления.

– Люба! Ты можешь подтвердить слова матери?

– Какие? – удивилась Люба.

– Как проходили твои дни, когда я был занят на стройке или болел?

Люба ответила слово в слово, как раньше говорила мать.

Немец сел на стул. Опять помолчал.

Люба подошла к нему, прижала его голову к своей груди и поцеловала в щеку:

– Фридрих! Милый мой! Я так рада, что ты выздоровел! Не мучь себя напрасными подозрениями, эта бомбежка не смогла отобрать тебя у меня. Осталось пятнадцать дней до того момента, когда я полностью растворюсь в твоих объятьях.

Фридрих улыбнулся и пригласил всех на кухню ужинать.

Он принёс бутылку шнапса, но Люба решительно убрала её со стола и отнесла обратно в горницу. Гауптман опешил:

– Ты что себе позволяешь, Люба!

Но Люба не испугалась:

– Больным после контузии пить нельзя. А будешь спорить, я разобью бутылку!

Гауптман рассмеялся, а потом спрятал правую ладонь Любы в своих руках:

– Валентина Никаноровна! Впервые я слышу слова участия с того момента, как мы пересекли большевистскую границу и вступили в советскую Россию! Я очень ценю это. А Люба стала уже настоящей хозяйкой. Как сообщали мои солдаты, объект почти не пострадал, так как был хорошо замаскирован. Завтра я снова выхожу на работу, и к 1 декабря мы его закончим. А потом начнутся боевые дежурства.

Валентина Никаноровна вроде бы по простоте душевной спросила:

– А что вы там такое строите? Овощехранилище?

Гауптман рассмеялся её глупости:

– Я, выпускник Берлинского университета, разве могу строить какое-то овощехранилище? Я руковожу строительством долговременного огневого сооружения. Это будет настоящая твердыня, которая на три километра не позволит никому наступать на деревню Жилино.

Преданно глядя ему в глаза, Валентина Никаноровна и Люба восхищённо закивали головами.

Немец потерял осторожность и начал рассказывать, как они обманут глупых русских: некоторые бойницы этого сооружения на самом деле являются ложными, но стрельба организована таким образом, что всё находится под наблюдением.

Он потребовал, чтобы Люба подошла к нему, и поцеловал её в голову.

Валентина Никаноровна заохала, а Люба разыграла смущение.

Фридрих Паульсен встал и сказал, что пойдёт спать.

Минут через десять Валентина Никаноровна подошла к дверям, чтобы взять сапоги и пойти мыть их. Её встревожило то, что Фридрих храпел как-то ненатурально.

Прямо с сапогом в руке, она прошла в спаленку к Любе, которая было начала одеваться, и помахала сапогом, что означало: разденься, ляг спать, никуда не вздумай уходить!

Люба всё поняла и уже через минуту лежала в кровати.

Валентина Никаноровна помыла и почистила сапоги и поставила их у дверей горницы.

Вдруг дверь бесшумно открылась, и она увидела одетого в форму немца. Фридрих Паульсен держал в руке пистолет и показал ей следовать впереди него.

– Где твоя дочь? – сдавленным шепотом спросил Фридрих Паульсен.

Валентина Никаноровна молча показала на дверь спальни. Немец недоверчиво посмотрел на неё и глазами приказал открыть дверь. Валентина Никаноровна подчинилась.

Люба лежала в кровати и спала.

Немец разочарованно вздохнул, повернулся и на цыпочках пошёл к себе в комнату. Валентина Никаноровна поняла, что он в чём-то подозревает Любу.

Даже мать не знала того, что после победы на олимпиаде по немецкому языку с Любой разговаривал один из организаторов олимпиады, как он представился. Он предложил Любе пройти специальные ускоренные разведывательно-диверсионные курсы.

Дело в том, что предвоенная ситуация требовала подготовить подростков, хорошо владеющих немецким языком, для разведывательно-диверсионной работы: собирать сведения, уметь незаметно передавать их, в случае необходимости заложить мину.

Летом Люба уехала в Москву в пионерско-комсомольский лагерь. На самом деле она училась в специальной разведывательно-диверсионной школе в районе Ростокино.

Домой она привезла грамоты за победы в волейбольных и баскетбольных соревнованиях. На самом деле никаких соревнований не было, а награды давались для прикрытия.

Сотрудники разведшколы даже не предполагали, что немцы так быстро дойдут до Москвы, а законспирированная агентура должна будет приступить к работе.

Волею случая получилось, что деревни Крюково и Жилино стали узлом обороны врага, хорошо укреплёнными. А Люба, согласно легенде, должна была разыграть из себя девочку, которой нравится всё немецкое. Никто не знал того, что взрыв в деревне Крюково организовала и провела Люба. Немцы сбились с ног, разыскивая партизан.

Люба лежала в кровати с закрытыми глазами и всё думала: почему вдруг гауптман стал подозревать её? Она тщательно перебирала минуту за минутой, час за часом, раздумывая: где же она могла допустить ошибку?

Но так и не найдя ответа, уснула.

Следующие четыре дня она вела себя очень-очень осторожно. Выходила во двор кормить скотину, тут же возвращалась обратно и хлопотала по дому. В последний день ноября, когда она вышла во двор, то вдруг услышала треньканье синички. Она обернулась на звук и вдруг

увидела отпечатки своих валенок на снегу. Страшная мысль пронзила её: еще год тому назад, чтоб её валенки не скользили, отец прибил к ним резиновые набойки. И, возможно, когда она шла по первоснегу затемно утром 7 ноября в Крюково, следы частично остались. Неужели её выследили?

В глубокой задумчивости Люба возвратилась обратно. Вдруг она услышала, как со стороны деревни раздались крики. В одном из домов начался пожар. Люба быстро накинула платок, запахнулась в телогрейку и со всех ног кинулась туда. Костику она наказала оставаться дома.

Вокруг горящего дома сгрудились жители деревни Жилино и громко охали: в избе оставалась старая бабушка и двое маленьких детей.

Люба немедля кинулась в дом. Старая женщина сидела в сенях обессиленная. К ней прижимались мальчик и девочка трёх и четырёх лет. Люба вытолкнула детей, и они кубарем полетели с крыльца. Жители подхватили плачущих и кричащих ребятишек, а старушка была уже почти в бессознательном состоянии.

Люба быстро сняла свои валенки с ног и бросила их в горящее пламя. А сама в длинных вязаных крестьянских носках из овечьей шерсти, подхватив бабушку, вырвалась наружу.

Несколько ещё не старых женщин кинулись им навстречу. Люба сошла с крыльца и потеряла сознание. Сердобольные жители довели Любу до её дома. Иногда сознание возвращалось к Любе, и она делала несколько шагов, но потом опять впадала в забытьё.

Навстречу ей кинулась Валентина Никаноровна. Девочку занесли домой, и стали отпаивать от угара клюквенным морсом. Постепенно Люба пришла в себя.

Мать случайно посмотрела на её ноги и закричала:

– Люба! Где твои валенки?

Сознание вернулось к Любе, но она притворилась непонимающей и стала закатывать глаза. Односельчанки стали рассказывать Валентине Никаноровне, какая у неё героическая дочь и что если бы не её смелость, то детишки и их бабушка сгорели бы заживо. Да, теперь они погорельцы, дома у них нет, но зато остались живы.

На другом конце деревни жили родственники этой семьи, и они сказали, что обязательно возьмут пострадавших к себе.

Костик расплакался:

– Люба! Как же ты без валенок почти километр шла по снегу?

Люба старательно играла: мотала головой, строя из себя непонимающую.

Теперь улик против неё не осталось.

Кто-то из немецких солдат сообщил гауптману о произошедшем в деревне. Тот прибежал в избу к Богатырёвым и увидел такую картину: Люба лежит в спальне, а Валентина Никаноровна сухой варежкой растирает ей ноги. Какими бы ни были теплыми шерстяные носки, а все равно девушка слегка поморозилась.

Немец принёс бутылку шнапса. Мать и Люба в ужасе замахали руками. Но немец взял чашку, плеснул туда шнапса, затем вырвал из рук Валентины Никаноровны варежку, обмакнул её в чашку и стал растирать ноги девушки. Постепенно в ногах появилось покалывание, и Любе стало чуть-чуть легче. Ей снова давали клюквенный морс, а потом заварили крепкий чай.

Потрясённый поступком девушки, немец принёс две банки тушенки, открыл их и галантно сказал:

– Ешьте, фройляйн! Если бы вы спасли немецких солдат, а не этих недоносков, то фюрер наградил бы вас железным крестом.

Люба съела несколько ложек тушёнки, потом выпила крепкий чай и впала в забытьё.

В себя она пришла только 3 декабря 1941 года. Возле кровати сидел Костик, а на стоящей рядом табуретке стояла банка с тёплой водой. Время от времени Костик протирал ей лоб и

лицо, а также руки. Температура спала, молодой организм победил болезнь. Любу уже почти не знобило, но во всём теле была слабость.

Со двора вернулась Валентина Никаноровна и радостно заохала, увидев пришедшую в себя дочь. Она приготовила ей куриный бульон и заботливо начала кормить дочь из ложечки.

Уже 4 декабря Люба могла сидеть на кровати и дрыгать ногами – они не болели.

Люба осторожно надела носки и решила пройтись по спальне. Её не тошнило и не покачивало. Девушка поняла, что уже здорова.

А 5 декабря, днём, Костик принес ошеломительную новость: началось контрнаступление под Москвой. Издалека доносилась глухая канонада, немцы стали раздражительными, люди лишний раз старались не показываться им на глаза.

Рано утром 6 декабря в спальню зашёл Фридрих Паульсен.

Люба натянула до горла одеяло, ей показалось, что немец хочет овладеть ею. А она была только в одной рубашке.

Гауптману понравилась её решительность отстаивать свою невинность, и он раскатисто рассмеялся:

– Не бойся, Люба! Я не сделаю тебе ничего плохого! Я пойду пока на службу, отстреляем проклятых русских, а потом я вернусь к тебе 10 декабря, и мы сыграем свадьбу.

Испуганная Люба согласно кивала ему в ответ.

Он ушёл к себе в дот, захватив с собой несколько солдат.

А вечером 6 декабря 1941 года несколько солдат Красной Армии вошли в деревню.

После небольшого боя немцы отступили. Но неожиданно из дота раздались пулемётные очереди: наши солдаты были ранены.

Рано утром 7 декабря уже целое подразделение Красной Армии было в Жилине. Раненых солдат, наскоро перевязанных местными жителями, увезли в госпиталь. Благодарение судьбе, они все остались живы.

Попробовали стрелять из орудия по доту. Но эффекта это не дало. Как только солдаты пытались подняться в атаку, немецкий пулемет начинал бить снова и снова. Подобраться к доту было невозможно.

К вечеру 7 декабря командир подразделения Красной Армии пришёл в избу Богатырёвых.

Его напоили чаем, угостили шанежками. Валентина Никаноровна сказала, что у них был на постое немецкий офицер. Но не это интересовало командира. Он не знал, что делать с этим взбесившимся дотом. И вдруг Люба сказала:

– Я пойду и расправлюсь с ним!

Она сноровисто начала чистить картошку и наварила целую кастрюлю. Потом опрокинула в кастрюлю содержимое банки немецкой тушенки, сверху посыпала укропом и репчатым луком. Закутала кастрюлю в полотенце, взяла с собой краюху домашнего хлеба и, надев мамины валенки, пошла к доту. Она шла спокойной и размеренно по просеке, чуть-чуть оскальзываясь, потому что валенки были ей великоваты.

Солдаты напряженно всматривались в уходящую фигуру. Укутанная в красный платок девушка бесстрашно шла вперёд. Шла она медленно, часто останавливалась, потому что сил было ещё недостаточно. Над её головой раздалась пулемётная очередь, но она упрямо шла вперёд. Больше не стреляли.

Люба подошла почти вплотную к доту и носком валенка стала бить в бронированную дверь. Время от времени она голосила:

– Фридрих, миленький, открой! Я тебе кушать принесла!

Ответом ей было молчание.

– Фридрих, если я оставлю еду у дверей, то все замерзнет. Пусти меня, я тебя покормлю! Это я, Люба Богатырёва, твоя невеста!

Неожиданно дверь заскрипела. Едва Люба успела сделать два шага назад, как дверь открылась. Оттуда вытянулась длинная рука и втащила Любу внутрь. Затем дверь вновь закрылась.

Она увидела заросшее щетиной лицо Фридриха и лихорадочный блеск в его глазах. Он молча стал осыпать её поцелуями, а она безвольно стояла, прижимая к телу хлеб и кастрюлю с картошкой.

Рассудок вернулся к немцу. Он легко приподнял Любу и спустил её по ступенькам внутрь дота. Она увидела подобие стола, подошла и поставила кастрюлю. Затем развернула краюху хлеба, освободила кастрюлю от полотенца и подняла крышку. Аромат разнёсся по всему доту и мгновенно забил смрадный запах в помещении. Немец открыл рот от удивления, а Люба достала из тряпицы большую ложку, нож и показала немцу, чтобы он начинал есть. А сама взяла нож и стала резать хлеб.

Потрясенный произошедшей переменой в его жизни, немец с набитым ртом, с куском хлеба в одной руке и с ложкой в другой, восторженно мычал:

– О, майн гот!

Люба улыбнулась ему и бестрепетно вонзила в шею нож.

Удивление отразилось в глазах фашиста, а она всё проталкивала и проталкивала нож глубже.

– Вот так-то, герр гауптман! – громко сказала Люба. – Получил себе русскую невесту?

Немец упал. Он попытался выдернуть нож и ему это удалось. Но тут же кровь хлынула из развороченной шеи, он несколько раз дернулся и затих.

Люба обернулась, почти что в темноте нащупала ступеньки и поднялась на площадку. По какому-то наитию она дернула за нужный рычажок, и дверь медленно, со скрипом, начала открываться.

Невысокая худенькая девочка в телогрейке стояла в проеме и смотрела вниз на просеку. Потом она догадалась, сдёрнула с головы красный платок и начала размахивать им, крича:

– Победа!!!

Ответом ей было громогласное «ура!».

Когда, светя мощными фонариками, красноармейцы вошли внутрь дота, то перед ними предстала страшная картина: на самодельном столике стояла кастрюля с картошкой и тушёнкой, а на полу с растёрзанной шеей лежал немецкий офицер, возле которого валялся окровавленный нож.

Командир подошёл к Любе приобнял ее за плечи и спросил:

– Как ты смогла это сделать, девочка?

Люба, не оборачиваясь к нему, сдержанно ответила:

– Фашисты к Москве не пройдут!

А 8 декабря 1941 года Красная Армия освободила и деревню Крюково.

Накануне нового, 1942 года, 14-летняя Люба Богатырёва была награждена орденом Красной звезды.

До 1955 года она жила в родной деревне. Замуж выйти не могла: её очень боялись парни и молодые мужчины, когда она внимательным и суровым взглядом смотрела на очередного ухажера и спрашивала:

– И что тебе надо?

В 1955 году она уехала на целину и стала работать там председателем колхоза. Дальше следы героини этого рассказа затерялись.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Сергей Петров, подполковник юстиции запаса

Сергей Владимирович Петров родился 1 апреля 1960 года. С 1978 по 1980 гг. служил в рядах Вооружённых Сил СССР, в танковых войсках. В 1986-м году окончил юридический факультет Казанского государственного университета.

С 1986 по 2000 гг. служил в прокуратуре Республики Марий Эл. Ушёл на пенсию по выслуге лет с должности первого заместителя прокуратура Республики Марий Эл, в чине младшего советника юстиции. Работает заместителем директора по юридическим вопросам холдинговой компании.

Литературным творчеством занимается с 2010 года. Публиковался в журналах «Юность», «Невский альманах», «Наша молодёжь», «День и ночь», «Север», «Сибирские огни», «Кольцо А», «Воин России», «Пограничник» и других. Автор исторического детектива «Всё когда-нибудь заканчивается», книги «Субъективный фактор». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Связь
Рассказ

Позиции отступающих немцев полк занял утром. Оставленные противником землянки были вырыты основательно, с солидным накатом. Солдаты брезгливо выбрасывали с нар полотенца, тряпки, куски брезента, мешки с соломой, на которых спали немцы, рассовывая по карманам сигареты, разбирая консервы и хлеб, запаянный в целлофан. Сигареты, впрочем, оказались трава травой, хлеб – пресным. Удивило обилие газет и журналов с красотками, которые мгновенно разошлись по рукам.

Между тем, не спеша подтянулась полковая артиллерия, рассредоточились пулемётчики, выжигая шквальным огнём всё на холмах, где засел противник. Немцы отвечали редкими миномётными залпами.

Понимая, что артподготовка наступления – дело не скорое, уставшие от бессонных ночей бойцы укладывались спать. Ольга устроилась в углу землянки. Мешкообразная форма, уставшее, обветренное лицо старили её, но тонкие кисти рук и неокрепший ещё голос выдавали юный возраст. Она сидела, не шевелясь, закрыв глаза, начиная дремать, но на этот раз не повезло.

– Рядовой Смирнова, ко мне! – зычный голос командира не давал отсрочек.

***Рис. Веры Орловой. Девушка с фронта. 1944* г.**

Не успела, запыхавшись, встать перед комбатом, как прозвучал приказ – восстановить связь со штабом дивизии.

– Есть! – отчеканила она.

Чёрный провод уходил в сторону леса. Грязь противно чавкала, пропитывая обмундирование липким месивом. Было скользко, ползти удавалось с трудом, хватаясь за траву и подтя-

гиваясь. Узкие стебли резали в кровь пальцы, а катушка с кабелем, рация, оружие и подсумок за спиной замедляли и без того нескорое передвижение к месту обрыва. С таким снаряжением ползти даже по сухой земле было бы тяжело. Когда она поднимала голову, было видно, что позади горизонт подсвечивается артиллерийскими вспышками, а впереди светло от ответного огня.

Передохнуть решила прямо тут, в грязной жиже. Под свист мин всплыл в памяти грязный зал районного военкомата. Вдоль стен – деревянные скамьи, вокруг толпится множество незнакомых людей, на лицах – растерянность и слёзы. Они, поселковые, втроём прижались в уголке – высокая и статная Катя, живая, со вздернутым носиком, усыпанным веснушками, худенькая Надя, и она, Оля-голубоглазая кнопка, старше остальных и самая робкая. Потом были вагоны, полные вагоны молодых девчонок. Увидев их, на одном из полустанков кто-то ахнул, крестясь и причитая: «Уже и девочек на фронт повезли…»

Когда выдали первое обмундирование, и Ольга, от горшка два вершка, стала натягивать брюки, то утонула в них. Ботинки на ногах тоже не держались. Но самыми жуткими оказались мужские трусы, из грубого сатина, широкие и длинные, почти как юбка. Выходило так, что ты вроде бы на войне, собираешься умереть за родину, а одет как пугало. Смешно и грустно, но ничего не поделаешь – обмундирование, как сказал старшина, включая нижнее бельё, у каждого солдата должно быть одинаковое. Но и это ещё ничего… Самым же трудным было найти возможность хотя бы раз в сутки умыться. О «женских» днях и говорить нечего – ваты и бинтов не хватало даже для раненых, потому приходилось использовать любые подручные средства, но чаще всего пропитанные кровью и понятными выделениями брюки засыхали, становясь стеклянными, режущими кожу до глубоких ран. Но это никого не интересовало, главное, что от неё требовалось – это связь, которая не должна прерываться никогда, особенно во время боя.

Запомнилось первое поручение – доставка секретного пакета в отдел СМЕРШа. Путь лежал через поле. Она шла, придерживая за пазухой пакет, кругом была непроглядная тьма. И вдруг ей показалось, что следом кто-то крадётся. Несколько раз она останавливалась и прислушивалась, но вокруг была тишина. А как только снова начинала идти – тут же слышала шорох позади. Пока дошла до места назначения – перетрусила; лишь когда отдала пакет, то вздохнула с облегчением. На обратном пути уже рассветало, потому и страхов поубавилось. Так и осталось неясным, кто же крался позади, да и был ли этот кто-то реальной угрозой…

Картина художника Б.В. Окорокова

Ольга приподнялась. Темнеющее небо стало хмурым и недобрым. Время от времени резали глаза вспышки пулемётных очередей, но огонь был неприцельный – на всякий случай. Она поползла дальше, цепляясь руками за траву – теперь, с небольшого пригорка, ползти было легче, дорога шла под уклон.

Где-то внизу сиротливо темнела развороченная туша «тридцатьчетверки», ствол высунутым языком свисал к земле. Сорванная снарядом башня лежала рядом с распластавшимся змеёй гусеничным траком.

Ольга была уже где-то неподалеку от немецких окопов, но обрыва провода так до сих пор и не обнаружила. Она легла на осклизлую землю и снова закрыла глаза… Вспомнился первый день на передовой. Первую ночь в общем блиндаже, оказавшись тут единственной девчонкой, долго не могла сомкнуть глаз. Спали одетыми, вплотную, тесно прижавшись друг к другу. От усталости всё же отключилась на время, но тут же пришлось отмахиваться от наглых рук. Уже позднее, попав после ранения в госпиталь, так и продолжала махать руками во сне. Нянечка стала допытываться, что, мол, за оказия, а было так стыдно объяснять, что пришлось отшутиться.

А потом в батальон прибыл новый ротный. Молодой, с необычным именем Арман, красивый настолько, что напоминал Ольге… вечерний летний луг, в который садится солнце. При каждом его появлении она смущалась, а однажды ротный и вовсе вогнал в краску шутливыми расспросами о любовных похождениях. Она тогда покраснела и отмахнулась, но ротный не унимался, приговаривая, что любовь – это така-ая штука, повкуснее пирожного. Ольга пирожных никогда и не видела, откуда в деревне такие изыски, а уж про эти самые любовные утехи и говорить нечего: не принято было до свадьбы подобным заниматься. Была у них в деревне Варька, шалава, так до свадьбы побаловалась – и не один парень так и не взял в жены, порченную-то… Арман между тем продолжал о чём-то нежно ворковать и уговаривать, и его голос звучал как безупречно настроенный музыкальный инструмент, словно не было вокруг войны…

А на следующее утро его принесли, тяжелораненого. Вокруг рвались снаряды, а ротный лежал на плащ-палатке и почему-то смущённо улыбался. Врач тихо сказал, кивнув на него, что, мол, не жилец уже. Ольга прониклась к ротному необъяснимой жалостью, погладила ласково по голове, не зная, что ещё может сделать. Арман снова смутился, достал помятую шоколадку и, извинившись, сказал, что хоть это и не пирожное, но тоже вкусно. А затем неловко попросил:

– Хоть расстегни гимнастерку и покажи грудь… не видел никогда…

Она вспыхнула и сразу убежала, краснея со стыда, а когда вернулась, на лице ротного уже замерла смиренная улыбка. Склонившись перед умершим, Ольга виновато поцеловала его в щёку, – таким и вышел её первый поцелуй… А ночью ей приснился сон, будто она держит какую-то диковинку, от которой идёт сказочно вкусный запах, а рядом стоит Арман и говорит, что теперь она наконец-то отведает тех самых пирожных. Но только она подносит вкуснятину к губам, как раздается зычный приказ: «К бою!» – и больше нет ни Армана, ни пирожного, есть только война…

Однажды она всё же решилась попробовать того самого, на что намекал Арман, выбрав для этого тихого и неказистого пулемётчика Жиляева. Он был деревенским, почти своим. Всё случилось в лесочке, и не было никакой сладости, было только больно и страшно. А ещё было стыдно. Очень стыдно. Но самое ужасное произошло на следующий день – её отозвал молодцеватый Слава Тимофеев по прозвищу Тимоха и шепнул:

– Предлагаю вечером в лесочке… прогуляться.

– Да как ты смеешь!

– Думаешь, не видел, как ты вчера с Жиляевым кувыркалась? Сморчком, выходит, не брезгуешь, а я для тебя не гожусь?..

Ольга растерялась и замолчала, не зная, что ответить.

– Не лома-айся… – тем временем продолжал уговаривать Тимофеев.

– Уйди!

Тимоха попытался приобнять, но неожиданно получил звонкую пощечину.

– Шлюха! – разозлился он. – Я тебе устро-ою, дрянь! Ещё пожалеешь…

На следующий день к ней подошёл сержант Григорьев и, ехидно улыбаясь, предложил прогуляться всё в тот же лесочек.

– Не гуляю я по лесу, – хмуро ответила Ольга.

– С Жиляевым гуляла, с Тимофеевым любилась, а я чем-то плох тебе?.. – удивился Григорьев.

– Не было у меня ничего с Тимохой! – выпалила Оля и отправилась искать обманщика.

Тот вместе с двумя солдатами курил махорку, над чем-то посмеиваясь, – уж не над ней ли…

– Сплетни распускаешь, – закричала она ему ещё издали, – не стыдно врать-то?

– А что, с Жиляевым не миловалась? – нагло улыбнулся Тимоха. Его товарищи тоже не скрывали ухмылок.

С этого и началось… Не было дня, чтобы к ней не подходил кто-то из солдат и не звал в лесок. Ольге стало казаться, что даже смотреть на неё теперь стали оценивающе и презрительно. Раньше она, когда случалось затишье, мечтала о будущем, о времени, когда закончится война и наступит мир. В такие минуты становилось светло и хорошо, будто стоишь на косогоре у родной деревни, над соцветием дурманящих лугов. Теперь же каждый вечер она уходила подальше ото всех и тихо плакала от бессилия и унижения.

Однажды в таком вот заплаканном виде Ольга попалась на глаза командиру батальона, бывшему учителю, человеку пожилому и совсем уже седому.

– Почему у вас глаза опухшие, в чём дело? – как мог, проявил участие капитан.

В ответ на это Ольга снова расплакалась: ей давно хотелось выговориться, и она рассказала всё от начала до конца.

– Что ж ты, дочка, молчала… – вздохнул комбат. – Надо было сразу ко мне обратиться, не дал бы этим ухарям в обиду. Хорошо, будет первая передышка, выстрою батальон – и этот твой Тимоха будет у тебя на коленях прощение вымаливать!

– Ой, не надо, товарищ капитан… – испугалась Ольга.

– А это уже теперь не тебе решать. Несправедливости в батальоне не место… Ты не бойся, всё будет хорошо!..

Земля под ней содрогалась и ухала. Деревья неясными силуэтами выступали в сумерках. В той стороне, где окопался противник, стали вспыхивать жёлтые осветительные ракеты. С нашей стороны длинными очередями отвечали пулемёты, захлопали винтовки.

Ольга вытерла пот суконной пилоткой. Показалось, что запахло кислой капустой.

Обрыва она так и не могла найти, хотя искала его, с какой-то детской наивностью веря в то, что ещё немного – и всё получится, всё будет хорошо. Почему-то вспомнилось детство. Мама достает из печи глиняный горшок с молоком, покрытым румяной пенкой. Она выходит на крыльцо. Только что прошёл дождик, всё вокруг сверкает. По двору важно шествует гусыня, ведя за собой ватагу гусят. Они пищат, посвистывают и толкают друг друга. Процессию бдительно сопровождает гусак, глава семейства. Он поминутно оглядывается – не грозит ли откуда опасность? Но всё спокойно, и слышится его тихое, миролюбивое «га-га». Гусята, увидев одуванчики, бегут к ним, тыкаются клювами и пускают пушинки по ветру. Гусыня смотрит на гусят и качает головой – какие они ещё глупые. Оля тоже, бывало, фукала парашютиками одуванчиков в лицо младшему брату, когда тот оглядывался на неожиданный оклик. А потом уже брат, подкараулив, отвечал тем же, и она хохотала, а мягкие пушинки щекотали её лицо…

Свист и ухнувший рядом взрыв оборвал воспоминания. Ольга вскрикнула от острой боли, виной которой был глубоко вошедший в руку осколок. От вида крови даже закружилась голова. Она одним отчаянным рывком выбросила тело из воронки, охнула, но поползла дальше. Руку жгло будто огнем, но она ползла и ползла… Она не помнила, сколько так продолжалось, придя в себя, только когда уткнулась лицом в лужу. От прохлады стало так легко, что не хотелось поднимать голову. Но надо было двигаться дальше – и она снова попыталась ползти, но свалилась в очередную подвернувшуюся воронку, закричав от боли в руке и даже зажмурившись от вспыхнувших в глазах искр.

Когда Ольга открыла глаза, то снова вскрикнула – теперь уже от радости: прямо перед ней торчал оголенный конец провода, это был тот самый злосчастный обрыв. Оставалось теперь только срастить провода. Она неуклюже присела; перебитая осколком рука безжизненно висела плетью, другая рука была, похоже, сломана после неудачного падения в воронку, и даже поднять их не было сил.

Зажмурившись от страха перед будущей болью, она всё же приподняла руку и соединила оба конца провода. На их скрутку сил уже не оставалось – и тогда, поняв, что остается только одно, Ольга сжала зубами концы, вздрогнув от удара током: инструктор в училище им говорил, что когда на том конце кто-то крутит ручку, устанавливая связь, напряжение подскакивает до ста двадцати вольт.

Рядом громыхнул новый взрыв. В глазах у Ольги потемнело, и она почувствовало жгучую боль.

Тут и нашли её после боя, присыпанную землей и стискивающую зубами концы провода.

В расположение батальона Ольгу принесли на растянутой плащ-палатке. Из пилотки достали бумажку с адресом родных, которых надлежало уведомить о том, что случилось. К расстеленной на земле плащ-палатке стали подходить бойцы из её взвода, бросил занятие даже повар, отмывающий котёл полевой кухни.

– Давалка… – вдруг сквозь зубы процедил Тимоха.

– Тимофеев, оставить! – прогремел голос комбата. – Жаль, поздно Оля рассказала о том, как ты себя повёл… Не довелось мне восстановить справедливость, пока живой была. Но я тебе сейчас скажу: сволочь ты и мерзавец, коли травил человека и сплетни распространял! И остальные, кто на твою брехню повёлся, тоже хороши. Была у нас одна девочка в батальоне, беречь её нужно было, а мы – не сберегли…

Взгляды у солдат потупились.

– Сволочи мы, мужики, всё-таки, – вдруг хрипловато продолжил за капитаном худой и белобрысый сержант по фамилии Хлебный, обычно тихоня тихоней. – Прости нас, Ольга, безвинная душа…

Пожилой и седовласый рядовой Акимов, медленно подбирая слова, добавил:

– Она была всегда грустной… Говорила негромко, рассудительно. Иные от переживаний начинают языком молотить, а Ольга немногословна была… А чтобы смеялась – почти и не видно было. И мы в том виноваты…

– Будем представлять к награде… посмертно, – подытожил комбат. – На таких и держится Россия.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Владимир Силкин, полковник в отставке

Владимир Александрович Силкин родился 14 октября 1954 года в г. Ряжске Рязанской области. Окончил редакторское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии. Более 32 лет прослужил в Вооружённых Силах СССР и России. Полковник в отставке. Автор пятидесяти книг разных жанров. Лауреат Государственной премии России.

Заслуженный работник культуры РФ. Кавалер ордена Почёта. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси удостоен орденов Русской православной церкви святого благоверного князя Даниила Московского и преподобного Серафима Саровского. Кандидат педагогических наук. Главный редактор военного литературного альманаха «Рать».

Книги В.Силкина «Журавинка», «Три имени» и «Золотое крыльцо» находились в космосе и кругосветных морских плаваниях на парусных учебных судах «Надежда» и «Крузенштерн». Именем В.А. Силкина названы улица, библиотека № 2 г. Ряжска Рязанской области, литературный салон в Ряжском краеведческом музее. Он – Почётный гражданин Рязанской области и Почётный гражданин г. Ряжска, Почётный краевед Рижского района. С 2004 года в Ряжске проходят ежегожные поэтические чтения «Читаем стихи Владимира Силкина».

Строки из стихотворений поэта увенчали монумент на Аллее Героев родного города Ряжска и памятник Герою Советского Союза Андрею Серебрякову на территории Рижского дорожного техникума.

Секретарь Союза писателей России, председатель Приёмной комиссии Московской городской организации Союза писателей России, начальник Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе. Член Координационного совета земляков при губернаторе Рязанской области, член Правления Рязанского землячества. Ответственный секретарь Совета ветеранов Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации.

Возглавляет литературное объединение имени Героя Советского Союза, писателя Владимира Васильевича Карпова при Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе.

Член Союза журналистов СССР (России) с 1982 года, Союза писателей СССР (России) с 1991 года. Проживает в Москве.

«Окрасился месяц багрянцем…» Новелла

«Гусар!» – любовался я своим взводным. Статный, чернявый, он выкликал фамилии первогодков. И мы один за другим, разбивая новенькими кирзачами асфальт, выходили к столу, где лежал текст Военной присяги.

– Я клянусь!

И что-то глубокое, неизведанное доселе, вонзалось в наше сознание, заставляло выпрямляться.

– Я клянусь!

И тяжелее казалась шинель. А рука всё крепче сжимала цевьё автомата.

Но чернявый лейтенант Беленький ободряюще кивал каждому из нас. И его взгляд успокаивал, снимал многовольтное напряжение с наших душ…

Два месяца пролетели как один день. Второгодки называют нас «дедушками».

Утром метём плац. Сосновые иголки, застрявшие в недельной давности лужах, проскальзывают под метлой. А ветер снова и снова швыряет их горстями туда, где уже очищались квадраты, за креплённые за нами навечно, как заявил Колька Смирнов из Владимира.

– Тут дел немного, – рисовал он нам перспективу проживания в военном городке, а точней, «учебке». – Ну, с утра, там, лужи разгоните, строевой тренаж пройдёте, потом занятия по матчасти до обеда. В перерывах заботливый прапорщик Гапончук запустит вокруг учебного корпуса на три круга. Это – чтоб аппетит нагулять. В два – наш ресторан. Вкусно, сытно, калорийно, все блюда-по-солдатски. А потом вообще рай – целых пятнадцать минут перерыв. Затем сплошной балдёж – надеть, снять противогаз. Увлекательная игра. Её очень любит Гапончук. Поигрались, поигрались – и на плац. Метёлочку в зубы – и каждый свой район глянцует. Короче, времени на всякие там весёлые вещи хоть отбавляй…

И вот мы метём. Сеет народившийся невесть из чего дождичек, хлюпают по лужам кирзачи.

Я закуриваю и прислоняюсь к дереву. Непонятное чувство охватывает, когда слышу любимую песню. В это осеннее блёклое утро вольно и по-особому печально звучит голос Руслановой; «Поедем, красотка, кататься…».

– Чёрта с два, – делаю я глубокую затяжку. – Не поедем, – уже два месяца ни одного письма.

«Давно я тебя поджидал…».

– Ну, и что с того? – завожусь я и вижуперед собой лейтенанта Беленького. Подтянутый, в отполированных до зеркального отражения сапогах, так не вяжущихся с погодой, он подходит неожиданно, здоровается.

– Ну, что, привыкаете?

Я озабоченно начинаю крутить головой, и прятать за спину окурок.

«Что я тебе, друг что ли?» – теряюсь и не знаю, о чём говорить.

– Нормально, – пожал плечами.

– Слышал, боксируете?

– Изредка, со временем пока туго…

– Ничего, всё наладится.

Командир отделения, младший сержант Владимир Силкин, 1975 г.

Лейтенант ушёл. А днём, когда бежали три километра, Беленький пристроился к косяку, в котором я финишировал. Поравнявшись, крикнул: «А может, попробуем вечером?»

– Что? – задыхаясь потянул я.

– Ну вот и хорошо, я знал, что вы согласитесь, – заразительно засмеялся он, ускоряя бег и легко оставляя нас позади.

… Перчатки были старенькие, белые от соли и пота. Здесь, в учебке, они лежали в курилке. Распоряжались ими младшие командиры. Если по рассеянности не спросил разрешения войти в эту комнату, надевай перчатки и работай с тенью пятнадцать минут.

Теперь против меня стоял не условный соперник, а лейтенант. Стоял и улыбался. Наверное, и не знал, что перед ним чемпион области, работавший по нормативу кандидата в мастера спорта.

Но и мне что-то подсказывало: «Не прост, ох, не прост Беленький…» Жилистый, с длинными руками и накачанной, хотя и не короткой, шеей, он быстро выдал себя, сделал мягкий нырок из-под прямого удара с левой. Уклоны, отходы, хук без продолжения-всё это мы демонстрировали с упоением.

Он повис на мне минут через пять.

– Молодец! Хватит. Всё вижу. Надо тебе работать. Надеюсь, в спарринг возьмёшь?

Я восторженно смотрел на этого розовощёкого офицера с чуть заметным шрамом на левой брови.

А через неделю я его «приревновал». Беленький сидел в ленкомнате и играл в шахматы с балаболкой Смирновым. Лейтенант даже не глянул в мою сторону. Я прошёлся мимо них несколько раз, но так и остался незамеченным. Не услышал удивительного лейтенантского: «Чего маешься?» Напротив, дождался раздражённого: «Хватит маячить!».

Вечером я узнал, что лейтенант Беленький и Колька Смирнов земляки. И уже в который раз подвёл курсант «гусара». И теперь вот отправился на гауптвахту…

Мы бежали в ОЗК, и горячий липкий комбинезон становился с каждым шагом тяжелее. Стёкла противогаза вспотели и затрудняли видимость. Я оглянулся. Рядом бежали двое. И я отчётливо услышал: «Отверни трубку, дурак!».

Я продолжал движение по полной форме. Но через несколько минут увидел обогнавших меня сослуживцев. Они бежали «налегке». И я открутил трубку от противогазной коробки., сдался. Но бежал уже наравне со всеми.

– Стой! – как по спине хворостиной, рассекла воздух команда.

В одношереножном строю лейтенант Беленький, похожий на марсианина, заглядывал в противогазные сумки.

– Мальчишки, – только и сказал Беленький и снова под маску. Снова бег. Утомительный, десятиминутный.

После кросса я видел, что неловкость одолевает не только меня. Что-то подленькое, довлеющее над нами, присутствовало в отношениях со взводным. Он молчал. И это было невыносимо. Лучше бы накричал, как прапорщик Гапончук, обозвал бы, но не молчал.

Заговорил Беленький во время чистки оружия. Не со мной. С Витей Мурачем. О нашем зенитно-ракетном комплексе. И такупоённо стал рисовать картины боя с воздушными пиратами, что подумалось оего бывалости. «Вот только жаль, не отпускают меня по рапорту, – не глядя на Мурача, вздохнул взводный. Говорят, вы тут больше белые, а там красные нужны.

Насчёт белых я не понял и потому не удержался: «А при чём тут белые-красные?»

– А при том, что командир вашего взвода Беленький, замполит – капитан Белозёров, а командир второго взвода – Белов. Уловил? – и он подтолкнул меня к выходу: «Пообещай, что сделаешь…»

Я, удивляясь переходу на ты, пожал плечами: «Если смогу…».

– Сможешь! Собери ребят, организуй секцию бокса. Я не успел. На днях уезжаю, но об этом пока – молчок».

Я ошарашено глядел на лейтенанта и не узнавал его. Глубокая складка заблудилась в переносице, живые тёмные глаза задержали грустинку.

– Я ненадолго. Постараюсь к вашему выпуску вернуться.

Через неделю, не простившись с подчинёнными, Беленький уехал и увёз с собой четырёх воспитанников учебки, специалистов по низколетящим целям.

Мы встретились перед моим отъездом в линейную часть.

Я драил пряжку, когда вошёл старший лейтенант и сел напротив. Я вскочил, приветствуя незнакомого офицера, и чуть было не вскрикнул. Передо мной сидел Беленький. Из-под фуражки «гусара» дымился чуб.

– Вот, возвратился, – как-то буднично обронил он. – Один… – добавил медленно это короткое и страшное.

На груди Беленького к колодке юбилейной медали прижались колодки ордена Красной Звезды и неизвестной мне награды.

– Жара там, вот и уехал, – закончил он горькой усмешкой.

Спустя несколько лет дорога привела меня в гарнизон, где начинал срочную службу. Я стоял в комнате Боевой славы и вспоминал, что мог, из истории свой первой части. Небольшой, но яркой. Переходя от стенда к стенду, я обратил внимание на один, видимо, недавно оборудованный. И вдруг… Я чуть не принял положение «смирно». Чернявый, улыбающийся Беленький смотрел с траурного фото. Подпись не могла солгать: «Погиб при выполнении интернационального долга. Посмертно награждён орденом Красного Знамени». И ни слова больше.

Я шёл с поэтом-фронтовиком к своему квадрату.

– Вот здесь я убирал территорию, – сказал я. – И вот тут познакомился с лейтенантом Беленьким. Другого такого не встречал.

«Окрасился месяц багрянцем…». Как не хватало сейчас этой светлой песни, которая меня выпрямляет.

Николай Стародымов, подполковник запаса

Николай Александрович Стародымов – прозаик, журналист. Подполковник запаса, донской казак, потомственный офицер. Участник боевых действий, кавалер трёх боевых наград. На всех войнах побывал в качестве военного журналиста.

Это позволяло везде бывать в самых разных боевых ситуациях.

В Афганистане принимал участие более чем в 20 боевых выходах. Среди них: выход «на караван», десантирование с вертолётов в тыл душманам, глубокий рейд по «ду-ховским» районам, участие в переговорах с главарями душманских группировок.

На протяжении службы в Афганистане вёл подробные записи, которые потом издал отдельной книгой под названием «Боевой дневник Афганской войны», которая уже несколько раз переиздавалась.

Автор более тридцати изданных художественных, документальных и публицистических книг. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Член литературного объединения имени Героя Советского Союза, писателя В.В. Карпова при Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе.

Лауреат ряда международных и российских литературных и журналистских премий, в т. ч. премии Союза журналистов России в номинации «За работу в «горячей точке».

Агитрейд: иранская граница
Отрывок из дневника

В Афганистане я имел честь служить в 5-й гвардейской Зимовниковской Краснознамённой ордена Кутузова II степени мотострелковой дивизии им. 60-летия СССР. Был я тогда капитаном, ответственным секретарём дивизионной газеты «Гвардеец». Совершил более двадцати боевых выходов. Об одном из них рассказывается в приведённом ниже отрывке из дневника, который вёл на протяжении всего периода службы «за речкой».

17.04.1986

Опять я на войне. Вчера собирался ехать в Герат в 12-й полк, делать материал о секретаре парткома майоре Куксине. Но с утра не получилось. А потом майор Володя Малюженко сказал, что 101-й полк идёт на операцию. Я, конечно, поехал к ним.

Капитан Николай Стародымов (третий слева) с друзьями-сослуживцами в составе ограниченного контингента Советских войск в Демократической Республике Афганистан, 1986 год

Ответственный секретарь газеты «Гвардеец» капитан Стародымов (слева) получает указания от своего руководства.

В 101-м полку я узнал, что идёт и 3-й батальон, с которым я воевал в октябре, соответственно, пошёл и теперь. В батальоне мне обрадовались. И замполит капитан Сергей Бондарь, и командир майор Геннадий Иванович Зайцев, и Бомбин, и Дьячук… В общем, хорошо встретили. В этот вечер обмывали орден, и меня тоже пригласили. ***(Дополнение. В те времена начиналось резкое закручивание гаек по части спиртного, потому в дневнике имени виновника того торжества не сохранилось.)***

Утром в 4.30 выезд. Я думал, что пойдём туда, где дали чертей разведчикам. Но потом выяснилось, что пойдём на иранскую границу. Там богатые базы, в январе их пытались взять, но не получилось. Но потом оказалось, что и это неправильно. Мы совершаем агитационный рейд. Так что старший сейчас замполит по работе с местным населением майор Марсель Габитов.

(Дополнение. В полку в Афганистане была такая должность – заместитель командира по работе с местным населением. Он же являлся командиром агитотряда. Марсель Халиулович Габитов был просто легендарной личностью. Он пользовался огромным авторитетом у местного населения. Как правило, именно Марсель возглавлял кампании по раздаче местному населению припасов, участвовал во всех мероприятиях, проводимых с местными.

Говорили, что за голову Марселя руководитель местных моджахедов Туоан Исмаил назначил немалую премию. Однако местные жители взяли его под свою охрану. И потому никто из душманов не решался на акции против Марселя. Когда он через полтора года после описываемых событий уезжал в Союз, местные жители устроили ему пышные проводы – организовали целый кортеж до самой границы.

Такие агитотряды должны были выполнять роль пряника в проводимой нами политике. Мол, войска воюют только если есть сопротивление. А если всё тихо-мирно, приезжает агитотряд. Он раздаёт столь дефицитный керосин, столь любимые местными жителями калоши, столь необходимый рис… С ним приезжали врачи, артисты. И конечно агитаторы – местные партийные активисты, которые объясняли, что лучше жить мирно и получать муку и масло, чем воевать и получать бомбы и снаряды.

Туран Исмаил (капитан Исмаил) – главный душман Запада Афганистана, именно он руководил всеми операциями моджахедов против 5-й гвардейской дивизии Советской Армии.

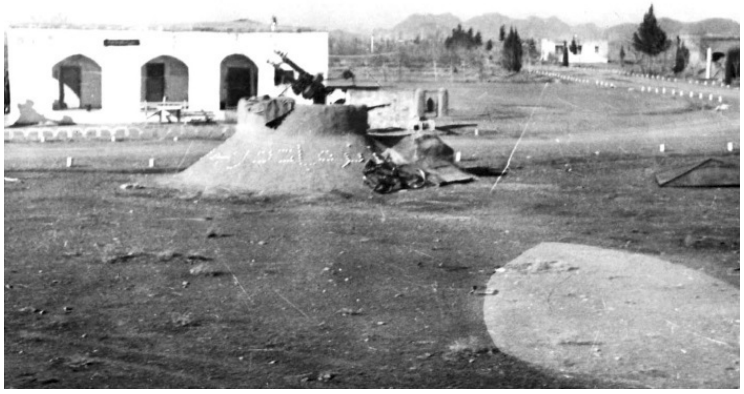
Дело, слов нет, хорошее. Но поговаривали, что в некоторых агитотрядах имели место различные махинации. Мол, керосин и калоши не раздавали, а передавали местным властям, которые их продавали, а с нашими «агитаторами» делились доходами. Что брали взятки. И т. д. Было ли такое, утверждать не буду – давайте думать о людях хорошо! Только вот что любопытно: другие агитотряды всегда уклонялись от того, чтобы брать с собой журналистов. Марсель Габитов всегда был открытым. Мы с

ним дружили. И его всегда колотило от злости и обиды, если кто-то в его присутствии говорил, даже в шутку, что что-то из гуманитарной помощи может продаваться. Его поддразнивали, конечно. Но за глаза о Марселе говорили как о человеке исключительной честности и порядочности. К тому же он был скрупулёзно добросовестным. Я гордился и горжусь дружбой с ним

***И совсем недавно я узнал еще об одной стороне жизни Марселя. Оказывается, его служба «вторым замполитом» была лишь агентурным прикрытием. Он там ходил на переговоры с местными бандами под видом мусульманского муллы и сагитировал на переход на сторону народной власти несколько тысяч афганцев*).**

Ехали долго. Сейчас стоим примерно в 20 км от границы. Дорога всё время шла вдоль реки Герируд, вдоль северного берега. Жарко. Сидел на броне, там прохладнее, внутри жарко. Цветов – море. Особенно много маков. Местность – как в Туркмении, в районе Тахта-Базара или Ташкепри. Правда, туда отсюда не так далеко – километров 100–150, так что неудивительно.

Уже недалеко от места возле моста подорвался МТЛБ (это тягач гусеничный бронированный). Жертв нет.



Поднялись на плато из долины реки. Перепад метров 30. И приехали в кишлак Кахистан. ***(Если посмотреть на карту Афганистана, этот населённый пункт находится как раз в том месте, где Герируд поворачивает на север. В этом колене и расположен кишлак).*** Год назад здесь наши воевали, но несильно.

Приехали, стали все вместе кучей. Выставили в охранение «васильки» (автоматические миномёты). Тем временем Габитов, подполковник Нескоромный Юрий Иванович (замполит полка), группа афганцев и, конечно, я поехали к кишлаку на бронетранспортёре с ЗВУ (звуковещательной установкой). По громкоговорителю что-то громко кричали по-афгански, но что – я, конечно, не понял. Через полчаса из кишлака вышла группа в белых чалмах. Мы подъехали к ним, всем пожали руки, улыбки, «салямы»… В общем, друзья после долгой разлуки. Наши афганцы со всеми даже перецеловались.

(Дополнение. Ох уж эти поцелуи! С женщиной – сколько угодно, а с мужчинами – не люблю. А ведь эти мужские ритуальные, приветственные поцелуи приняты у некоторых народов, да и у нас в некоторых ветеранских организациях. Но вернёмся в Азию. Когда я только приехал в Афган, меня удивляло, что афганцы при встрече обязательно целуются, даже офицеры с солдатами. Это было непривычно, даже дико. Но это – их обычай. Когда показывали вторжение американцев в Ирак, был эпизод – его несколько раз по телевидению прокручивали: идёт весь такой упакованный в военную амуницию

янки, а к нему навстречу идёт иракский мужчина и лезет целоваться. Американец сначала отшатнулся, а потом был вынужден облобызаться с тем).

Сели в кружок. Сначала говорил приехавший с нами заведующий отделом провинциального комитета НДПА Шарор. Говорил хорошо – темпераментно, страстно. Габитов нам кое-что переводил. Он перечислил, что мы с собой привезли для раздачи местному населению. Что у нас с собой врачи – отдельно для мужчин и для женщин, а также ветеринар. Что мы стрелять не будем. Что они должны помогать шурави. Что народная власть помогает бедным, уважает ислам, а душманы грабят, прикрываясь исламом.

Николай Стародымов с сослуживцами после боевой операции

18.04.1986

Вчера стемнело и не успел дописать.

Короче, выступил хорошо.

Потом говорил заместитель председателя провинциального комитета партии по делам племён и народностей тов. Маршал. (Ударение на второе «а»). Интересный человек. Всё время улыбается, постоянно вокруг него люди. Он говорил коротко. И ещё выступал представитель ХАД (афганский КГБ).

Короче говоря, пообещали на следующий день собраться все. ***(Дополнение. Хорошо помню своё чувство тогда, 20 лет назад, когда разговор принял оборот, о котором я пишу ниже. Мы им – о высокой политике, о гуманитарной миссии, о дружбе… А они…).***

Первый вопрос, который задал один из вышедших из кишлака – о разнице в исламе в Афганистане и Иране. Потом жаловались, что их юношей забирают в иранскую армию и отправляют воевать против Ирака. Когда Шарор сказал, что народная власть даёт людям работу и продукты, а душманы это отбирают, оживились.

Когда мы вернулись назад, как раз поспели к ужину. Поговорили с Зайцевым, Дьячуком. Они в частности рассказали, как тут воевали в январе. Они были на иранской границе и на ночь поставили технику так, что с иранской стороны их легко могли обстрелять. Но не думали, что это произойдёт. Ночью же по нашим из прибрежного кустарника ударили гранатомёты с иранской территории. Сначала наши разбежались, попрятались за машинами, а потом развер-

нули технику и из всего оружия ударили по Ирану. Потом отошли и туда же влупили «Грады». Незадолго до этого из 17-й пехотной афганской дивизии сбежали 70 с лишним человек. Они сидели в башне на иранской стороне. Туда тоже «Грады» вмолотили. ***(Дополнение. О подобных историях, когда на границе происходили перестрелки с противоположной стороной, я слышал неоднократно. Сам лично свидетелем не был. Но у меня есть все основания полагать, что такое случалось. Границы в тех краях – понятие весьма условное. Её переходят легко и просто. В частности, душманы уходили что в Иран, что в Пакистан. Ну, и стреляли друг в друга с нашими).***

Ночевал я по старой памяти в «таблетке». С нами был ещё майор Борис Александрович Македонский.

Утром возле кишлака был митинг – в сам кишлак нас попросили не заходить. Опять выступал Шарор – чувствовалось, что он сильный оратор. Также выступали Габитов, Маршал, приехавший с нами мулла провинции – красивый представительный мужчина, говоривший очень тепло об СССР и обосновывавший на Коране необходимость помогать нам и не воевать. Говорил также местный мулла, читал нараспев по бумажке.

Затем начали раздавать продукты. Давали пшеницу, жир, чай, мыло. Давка началась, все лезут. Выстроились в очередь, откуда-то и женщины появились, хотя на митинге их не было. Все сухие, измождённые, старые, лиц не закрывают (говорят, что им не больше 40 лет, а я бы им дал не меньше 60). Каждый перед получением должен расписаться, а кто неграмотен (а таких тут большинство) оставляет оттиск большого пальца.

Дует дикий ветер, а на пустыре, где всё это происходит, много пыли. А я где-то посеял очки и глаза запорошило, слезятся…

Раздаём всё местным, а вокруг стоят БТРы с расчехлёнными пулемётами, недалеко взвод «Васильков» и обыкновенных миномётов. От греха подальше.

19.04.1986

Вчера к вечеру подорвался на мине один сорбоз (афганский солдат). Разнесло в клочья, далеко в стороне нашли сапог с торчащими из него костями и ошмётками мяса и жил. Перед этим подорвался наш БТР, ребят слегка контузило, но ничего страшного. ***(Дополнение. О посттравматическом синдроме, о том, что даже самые маленькие контузии не проходят бесследно, я тогда не знал).*** И ведь и тот, и другой подорвались там, где перед этим и машины ездили, и люди ходили.

Сейчас 6 часов утра. Мы едем дальше к иранской границе. Там, говорят, мин ещё больше.

Вчера вечером одного солдата в палец ужалил скорпион. Ничего страшного, но в связи с этим вечером проводили занятие по мерах безопасности. ***(Дополнение. Там этой живно-***

сти хватало – скорпионы, фаланги, каракурты… Но кусали кого-нибудь очень редко. И о смертных случаях мне слышать не доводилось, хотя в целом в пустыне я прослужил 11 лет).

Вторые сутки дует сильный ветер. Холодно. Продувает насквозь. Не хочется вылезать из машины. А вокруг пустыня до горизонта. Только на юге видны невысокие горы. Перед ними течёт Грируд, но отсюда его не видно.

Тот же день. 17.10.

Только что вышел из кишлака Кизыл-Ислам. Приехали к нему утром. Туда сразу поехал Габитов на ЗВУ. Через некоторое время он вернулся на мотоцикле в сопровождении другого мотоциклиста. ***(Дополнение. Марсель вообще всегда ходил на подобные переговоры один и без оружия. Так и хочется добавить «бесстрашно». Не знаю, наверное, он тоже боялся. Но ходил. Только «дежурную» гранату обязательно имел в кармане. Но такой «самоликвидатор» был у большинства офицеров, да и у многих солдат тоже. У меня, во всяком случае, – обязательно всегда).*** Оба афганца были вооружены. Вместе с ними мы поехали на БТР к кишлаку. На стенах были видны ***вооружённые люди, в т. ч. с пулемётом Дегтярёва (Дополнение. Не сомневаюсь, что все знают, что это за оружие, но исключительно на всякий случай: это самый известный и узнаваемый пулемёт времён Великой Отечественной, с круглым диском сверху).*** Мы сгрузились и с нашими врачихами пошли в кишлак.

Все жители кишлака вооружены. Каждый мужчина от 14–16 лет ходит с винтовкой или автоматом. Снуют мотоциклы – «Хонды» и «Судзуки». Улочки по-восточному кривые и запутанные. (***Дополнение. Я до сих пор хорошо помню, как мы тогда шли. Высокие глинобитные дувалы разбросаны как придётся, а улочка между ними – где метра 3, где 5 в ширину, не больше. Сплошные повороты, зигзаги. Я заблудился мгновенно – было ветрено и без солнца ориентироваться было невозможно. Уж не знаю, специально нас так вели, чтобы сбить с толку, или же полнейшее отсутствие планировки… Всюду арычки журчат, через них мостики.).*** Пошли к зданию, которое, как оказалось, выполняет роль больницы. Врачи остались там, 10 человек оставили им для защиты, сами пошли к мечети. Весь путь – по каким-то немыслимым закоулкам. В мечеть вошёл один Габитов, мы остались охранять вокруг.

Нас тут же окружила толпа. Это кишлак малишей. (***Дополнение. Точного аналога этому явлению в русском языке нет. Некоторую параллель можно провести со стародавней казачьей вольницей, но именно некоторую.).*** Малиши – это племена, которые проживают вдоль границы, несут пограничную службу, за что получают от государства плату. В то же время они никого и ничего не признают, занимаются контрабандой, спекуляцией и грабежом. (***Дополнение. Если свести ситуацию к самому простому, малиши определяли, кого пропускать через свою территорию, а кого нет. Хотя это не самый лучший способ охраны границы, государство старалось задобрить малишей, выплачивая им немалые деньги – как говорится, лучше иметь пассивного друга, чем активного врага. В то же время на участках границы, которые контролировались отрядами, принявшими сторону кабульской власти, крупные отряды моджахедов с территории Ирана пройти не могли. Во всяком случае, для них это было проблематично).*** В кишлаке Кизыл-Ислам до 800 вооружённых мужчин.

Обступили они нас. Улыбаются, представляются, повторяют «Дуст, дуст». Если попросишь, показывают оружие, но предварительно обязательно его разряжают. Вооружены пёстро. Есть американские винтовки, западногерманские, бельгийские, «буры», китайские автоматы. Пистолеты от ТТ и «Парабеллума» до английского крохотного револьверчика, который я видел у пацанчика лет 12. Видел у одного могучий западногерманский пулемёт с треногой и большим магазином, торчащим вверх. ***(Дополнение. Помню, как мы посмеялись между собой. Афганцы все сухопарые, поджарые, жилистые. А этот под тяжестью пулемёта аж согнулся, но ни разу даже на землю его не поставил, так и таскал. «Молодой, наверное», – шутили мы. Таки не знаю, это они всегда так ходят или только в честь нашего визита – силу свою показать).*** Напротив больницы на плоской крыше стоял «Дегтярёв» и возле него неотлучно двое малишей. В общем, вооружены все поголовно. Один афганец сказал (из тех, кто приезжал за нами), что если бы в блоке не стояли пушки и БТРы, ни один из нас не ушёл бы отсюда живым, всех бы перебили. Кто бы сомневался! Только ведь и мы бы сюда так не пришли бы.

А так – все улыбаются, будто лучшие тебе друзья.

Сразу начали предлагать сделки. Особенно интересовались ракетами. Предлагали махнуться оружием. Даже за мой укороченный «Калашников» предлагали новенький «бур». Конечно, все отказались.

(Дополнение. Тогда произошёл случай, который мог иметь весьма тяжкие последствия. Когда мы отправлялись в кишлак, с блоком прикрытия была договорённость, что если нас зажмут, сигнал – серия красных ракет. Тогда артиллерия открывает по кишлаку огонь из всех стволов, а мы прорываемся самостоятельно. Так вот, когда мы толкались возле мечети, местный мальчишка подскочил к одному из наших солдат и выхватил у него из «лифчика» – самодельного разгрузочного жилета – ракетницу. Я был недалеко и увидел, что на колпачке три красные точки, т. е., если свинтить колпачок (секунда), дёрнуть колечко (ещё секунда), над нами взовьётся три красных ракеты… Понятно, этот кишлак потом размолотили бы. Только нам это не помогло бы – уйти из кишлака у нас шансов не было никаких: пулемёт на крыше и вооружённые малиши вокруг… Но один из седобородых афганцев закричал что-то мальчишке и тот послушно вернул ракету. Слова, которые произнёс командир тому солдату, приводить не буду).

Тем временем в мечети служба закончилась. Оттуда обрадовано сыпанули мальчишки – они везде одинаковы, ясно, что на религиозной службе им скучно. А мы вернулись к больнице.

Афганская женщина на приёме у советского военного врача

(***Дополнение. Работа наших медиков в Афганистане заслуживает отдельного и обстоятельного разговора. Но это не моя тема. Потому коротко. Работать медикам с местным населением было очень трудно. Языковой барьер. Неумение местных жителей рассказать о своих болезнях. Неверие местных жителей, что пилюля или таблетка может помочь в болезни. Опять же психологический барьер, особенно для женщин. Они привыкли к жёсткому патриархальному строю, а тут посторонняя женщина,***

необычно одетая – и ей надо рассказывать о болезни, да ещё через мужчину. переводчика… Трудно. Опять же наши, девчата-врачи тоже ведь прекрасно понимали, что случись что – убить их не убьют, конечно, но жизнь их сладкой не будет: К слову, таблетки местным насыпали в фунтики из листовок, которые агитировали за народную власть. А поскольку большинство были неграмотными, то информация доносилась в виде рисунков, наподобие комиксов. Я привёз несколько таких, их у меня уже брали, использовали при оформлении документальных книг об Афганистане).

Устали мы, закоченели, часов в 17 двинулись обратно. Ветер не утихает. Холод собачий. И это 19 апреля! Пылюка мелкая, противная…

Трогаемся назад.

Как жаль, что я вчера растранжирил всю взятую на командировку фотоплёнку. Сегодня были бы не снимки, а чудо! Ведь в самом логове «духов» побывал.

(Дополнение. История имела продолжение, причём, продолжение трагическое. Поскольку о дальнейших событиях я рассказываю исключительно по рассказам других, могут быть неточности, но в целом ситуация такова. Переговоры, которые провели Марсель, Маршал и Шарор, ока-запись успешными. Они даже превзошли ожидаемые! Малиши выполнили все взятые на себя обязательства. Они перекрыли границу, не пропускали через подконтрольную территорию вооружённые отряды с той стороны. Они отвели помещение под школу, оборудовали его и через некоторое время прислали в Кабул гонца: мол, давайте учителя! Местные власти даже растерялись, не ожидая такого эффекта. Учителя не сразу, но нашли – в такую опасную и далёкую Тмутаракань желающих ехать было не много. Но нашлись. Это переполнило чашу терпения Турана Исмаила. В одну из ночей на кишлак было совершено мощное нападение, с применением тяжёлого вооружения. Говорили, что в нападении принимали участие и подразделения иранской армии, но тут уж ручаться не могу. Кишлак был разгромлен, активные сторонники народной власти убиты. Когда на помощь подошли части афганской армии, кишлак представлял страшное зрелище. Душманов выбили, они ушли за границу. Сын погибшего командира отряда поклялся отомстить за отца и продолжить взятый им курс на сотрудничество с властью. Больше сведений у меня о них не было).

20.04.1986

Переехали к следующему кишлаку. Сасель или что-то в этом духе.

Когда трогались с места, опять подорвался на мине БТР. Погиб солдат и ранен в руку майор Малюженко.

(Дополнение. Вот так вот буднично: погиб, ранен… На войне это и в самом деле обыденность. А ведь это горе, боль, слёзы… Вот в чём подлость войны: горе и боль превращаются в строки донесений и в цифры в графе потерь – возвратных или безвозвратных. Человеческая плоть сплющена безжалостной взрывной волной – в соответствующей клеточке бланка появляется единичка. Кусок горячего металла наполнил человеческое тело невыносимой болью, заставил его корчиться от боли – ещё одна единичка в другой графе. В эфир уходит доклад: есть «двухсотый» и «трёхсотый». И – вперёд, к новым целям, потому что для всех жизнь продолжается! А для этих двоих уже включены другие механизмы. Для истерзанного тела, которое ещё в поле, в пункте постоянной дислокации уже со склада достают цинковый гроб. Начинают сколачивать деревянный ящик. Писарь в штабе, пережёвывая бутерброд, заполняет стандартный бланк. Командир назначает группу сопровождения гроба. Сопровождающие получают таким образом дополнительный отпуск – имеют возможность, выполнив скорбную миссию, на парутройку дней заскочить домой, ибо для них жизнь продолжается. Где-то командир эки-

пажа «чёрного тюльпана» получает предписание лететь в Шинданд… А где-то далеко родители, близкие, девушка или жена того солдата, даже имя которого не сохранилось в дневнике, ещё ничего не знают, и заглядывая с замиранием сердца в почтовый ящик, облегченно вздыхают: всё в порядке! Между тем того, за кого они так переживают, уже готовят к отправке… Страшно сказать: всё это происходит параллельно, и пока не пересекается. Для близких беда ещё не пришла. И раненый – «трёхсотый» на бездушном языке условных сигналов – корчится от боли, в машине или вертолёте. Он не безликий «трёхсотый», он живой конкретный человек, которого терзает боль! А где-то уже деловито готовят операционный стол, койку в послеоперационной палате. Медсёстры раскладывают хирургические инструменты, сплетничая по поводу очередного увлечения подруги. Хирург торопливо глотает обед, потому что неведомо, сколько продлится операция – для него это тяжёлые, но будни… А в дневнике сохранилось только: один убитый и один раненый. И жизнь продолжалась, будто ничего и не произошло).

Сорбозы пошли на прочёску кишлака. Мы стоим в блоке. Когда пошли «зелёные», из кишлака потянулись мирные жители – верная примета, что там есть душманы. Но пока тихо. Пару раз раздавались по несколько выстрелов, да на окраине кишлака прогремел взрыв. И тут же всё стихло.

Тут намного теплее. Всё же спустились в долину Герируда и холодный ветер сюда не задувает.

Со вчерашними малишами, как объяснил вчера вечером Габитов, всё обстоит не так уж серьёзно, как я думал вчера. Они в общем-то за народную власть, но предпочитают явно ни на одну сторону не становиться. Ясно одно: душманы теперь через их кишлак не пройдут и продуктов тут не получат. Уже кое-что. (Дополнение. Как я уже писал чуть выше, Габитов и я ошибались: результат переговоров оказался значимее, чем мы тогда решили).

Во время одной из боевых операций капитан Стародымов (слева) с боевыми товарищами уничтожили нескольких моджахедов, а вот в плен смогли взять только чёрного горного козла . В центре – Анатолий Дячук – легендарный фельдшер батальона, – сколько он солдат от смерти спас – не счесть!

Тот же день. 21.00

Достаточно неожиданно снялись и переехали на новое место. После того, как я сделал предыдущие записи, произошло несколько подрывов, в т. ч. на фугасах. Один из них, самый мощный, отбросил БТР на 10 метров в сторону. Всех посбрасывало, тяжело ранены офицер и солдат. Сегодня же на минах подорвались советники, в т. ч. генерал. Здорово пострадали сорбозы.

У всех растёт озлобление – ведь не сделали ни одного выстрела, а уже столько потерь!

Два слова о дороге. При выезде из Герата она отходит от той, что идёт на север в Турунди, строго на запад, вдоль опять же северного берега Герируда. Когда-то она была асфальтированная. А сейчас здорово разбита, но кое-где по-прежнему хороша. Кое-где на путях селевых потоков сделаны не мосты как у нас в Туркмении, а сама дорога забетонирована и с неё сделан сброс. То есть сель идёт прямо через дорогу, а чтобы её не разбивало, со стороны гор склон бетонный, а с другой стороны скат к реке тоже. А в некоторых местах нет и признака асфальта, очевидно, он был положен без достаточной подушки. В этих местах – просто песок.

Вечером нам давали концерт афганцы, которые едут с нами. Это артисты Кабульского радио и телевидения. Поближе познакомился с рафик (товарищ по-афгански, с ударением на букву «и») Шарором. Партийный стаж у него 20 лет (сама партия существует 22 года), сидел в тюрьме до революции и при Амине, имеет две раны.

11.04.1986

Пишу уже в Герате, в 101-м полку. С утра сапёры поехали взрывать цементный завод, который является гнездом «духов». А я собрался и поехал с бензовозами.

Подошёл к колонне, спросил у старшего, в какую машину можно сесть.

– Садись в любую, – отмахнулся тот.

Я стоял возле второй машины, но там в кабине уже кто-то сидел на пассажирском месте, и я пошёл вдоль колонны. Свободное место оказалось буквально в следующей машине и я забрался в кабину.

Проехали примерно пол пути, когда вдруг едущая впереди машина скакнула влево и над ней взвился столб чёрного дыма.

– Мину поймал, – спокойно сказал мой водитель.

С неба падали какие-то чёрные ошмётки.

Подорвавшаяся машина проехала метров 25 и остановилась. Остановились и мы сзади её. Подошли к ней. Да, сразу, когда рассеялся дым, я увидел, что метрах в 10 от дороги стоит солдат, трясёт головой, потом пошёл к машине.

В центре – капитан Николай Стародымов, 1986 г., Фарахруд

На машину было страшно смотреть. Взрыв произошёл под передним правым колесом. ***(Дополнение. По разбитым дорогам машины обычно таки ездили – правое колесо по обочине, левое – по дороге. Этим хоть немного уменьшалась тряска на разбитом дорожном полотне. Однако на обочине и мину куда легче поставить. Это все понимали, но рисковали, потому что стиральная доска, в которую превратилась сама дорога, выматывала всю душу. Если же ещё сделать поправку на русское «авось», да ещё любовь к быстрой езде и не слишком большую любовь к ПДД… В общем, пассажиру грузовой машине всегда было ехать хоть немного мягче, чем водителю, но зато и удар мины обычно приходился именно по нему. Причем, если, как в случае, о котором я рассказываю, машина была ЗиЛ-131, удар взрыва вырвал колесо. Если бы пассажир сидел в КамАЗе, взрывная волна пришлась бы непосредственно в него).*** Взрыв произошёл под передним правым колесом. Его сорвало и выбросило метров на 20–25 от дороги и столько же от места взрыва. Капот оказался на левой обочине дороги. Все эти 20 метров машина катилась, а из неё сыпались детали. Двигатель, похоже, разбит вдребезги. А ни бензин, ни масло не разлились.

Водитель рассказал, что взрыва он не слышал, но ощущение было такое, будто на скорости 60–70 км/час его подбросило на кочке. Зажав руль (что его и спасло), водитель сержант Евгений Никандров глянул на соседа рядового Сергея Иванова, но того в кабине не оказалось. В момент взрыва всё закрыло чёрным дымом, поэтому водитель не видел, что творится вокруг. А Иванова взрывом выбросило в открывшуюся дверь и он, не упав, пробежал по инерции этот десяток метров от дороги. Водитель не пострадал вообще, а Иванов получил царапины на ноге и голове.

Потом рассмотрели, что метрах в 5–7 дальше на другой обочине дороги есть ещё одна воронка, ещё большего размера, чем «наша».

По рации сообщили о случившемся. Вскоре подъехали 2 БТРа, машина с подъемником для буксировки. И поехали дальше.

Проезжая через Герат, водитель показал мне публичный дом. Дом как дом – а идёт как достопримечательность.

Всюду в Герате по дороге ходят взрослые и мальчишки и предлагают наркотики. Едешь, а они стоят вдоль дороги и показывают пакетики (героин) или коричневое что-то (чаре).

22.04.1986

Итак, можно подвести итоги. Сколько ж раз мне повезло?

Малюженко предложил мне ехать с ним. Я не поехал, и он подорвался. Раз.

Мы с Габитовым ездили на БРДМ с звуковещательной установкой, а потом на «Чайке» (БТР-КШМ) по тому месту, где потом подорвался БТР из агитотряда, когда ранило солдата и контузило переводчика. Два.

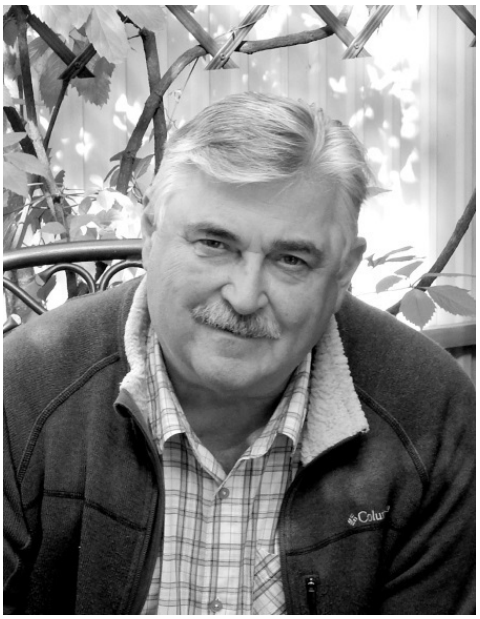
По тому же месту я шёл пешком из Кохистана. Три.

Назад возвращался на бензовозе, который шёл в колонне третьим. А мог бы и вторым. Четыре.

Многовато. А ведь я никуда не лез попусту. Повезло.

(Дополнение. О том агитрейде я подготовил большой материал, который назывался «Такой обычный агитрейд». Он был опубликован в журнале «Коммунист Вооружённых Сил» – огромная честь для любого журналиста того времени, тем более – сотрудника крохотной дивизионной газеты. Да и гонорар был более чем приличный – рублей 30, кажется, или даже 50).

Александр Махнев, полковник в отставке



Александр Владимирович Махнёв – прозаик. Родился 15 марта 1949 года. Профессиональный военный. Полковник в отставке. В 1972 году окончил Рижское высшее командно-инженерное училище имени Маршала Советского Союза С.С. Бирюзова, в 1981 году с отличием и золотой медалью – Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Служил в Ракетных войсках стратегического назначения – в Литве, на Украине, в Иркутске и Калининградской области. С 1988 года проходил службу в Москве в политическом управлении Космических частей Министерства обороны РФ.

Награждён орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени и двенадцатью медалями. После увольнения в запас работал в различных коммерческих структурах, в том числе и генеральным директором производственного предприятия, продолжает трудовую деятельность и сейчас.

С 2010 года активно занимается творческой деятельностью. Член литературного объединения имени Героя Советского Союза, писателя В.В. Карпова при Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе.

Кофе по-польски
Рассказ

– Демышев, что ты тут сидишь, к складу давай, опоздаешь, с трёх часов наше время. Давай, давай, шагай. И комбат нетерпеливо подтолкнул Сергея к выходу.

– Мать честная, четвёртый час. Не успею!

Лейтенант скорым шагом двинул в сторону складов главного инженера.

Сергей Демышев вот уже три недели как в полку. После окончания училища, отдохнув в отпуске у родителей, прибыл к месту службы в этот небольшой гарнизон, на юге Украины. Привыкает, втягивается, присматривается к армейской жизни. Хотя сказать «втягивается» было бы не совсем верно. Он одним из первых сдал на допуск к несению боевого дежурства, на следующей неделе ему заступать. А сейчас вот регламент, здесь уж предстоит «пощупать» технику. Теория пройдена, зачёты с утра сданы, сегодня последний день подготовки к полугодовому обслуживанию, надо было получить расходный материал, ветошь, смазку и прочее, прочее…

Завтра в бой, точнее начинается первый день обслуживания.

Среди всего, что предстояло получить на складе, был спирт, которого, согласно нормам снабжения и перечню регламентных работ, выдавалось весьма много. Впрочем, ракетчики знают, много спирта не бывает, скорее его бывает мало. И все знают так же, что не всё надо на технику использовать, и себя, родного, желательно не обидеть.

Итак, наш герой у склада. Здесь царствуют майор Данелия Иван Павлович, главный инженер дивизиона, и заведующий складом старшина Мышкин Петр Харитонович. В такие дни, как сегодняшний, то есть при выдаче спирта, Данелия присутствует обязательно – как бы чего не вышло – и не дай Бог старшина кому лишку передаст.

Но по лицу Петра Харитоновича было видно – не то, что лишку, а своего не получите. Так-то.

Обстановка здесь была рабочей. Получил – отходи.

– Ты кто такой, лейтенант?

– Как кто, с восьмой я, оператор машины подготовки.

– А! Это новенький, что ли? Вместо Квакина прибыл?

– Ну да. Вот список, давайте по нему, и я пошёл.

– Что там у нас?

Старшина пробежал глазами накладную, скрылся на минуту в складском закутке и, вернувшись, положил на стол груду белых тряпок – ветошь.

– Имей в виду, ветошь – на всю батарею.

– Ну, что ещё?

– А спирт?

– Так я тебе что, в карманы налью его? – ухмыльнулся Харитоныч.

– Зачем же, в карманы, вот фляги.

– Знаешь что, лейтенант, не дури. Ваш замотех получил спирт, дуй к нему.

Не знал Сережа, что эту ценную жидкость заместители командира батарей получают и сами раздают уже в батареях тем, кто непосредственно работает, обслуживая технику в батарее. Естественно, спиртом колеса тележки не моют, он идёт на обработку самых тонких узлов и деталей, коих у лейтенанта Демышева в его машине подготовки было великое множество, ну и спирта по нормам положено было почти килограмм.

Мельникова он нашел в учебном корпусе.

– Андрей Павлович, можно спирт получить на обслуживание?

Сергей достал из портфеля две потертые солдатские фляги, причём одна из них, та, что от Квакина осталась, была, как у многих ракетчиков, раздута компрессором, и вместо положенного объёма один литр могла вместить литр триста жидкости.

Мельников с удивлением посмотрел на офицера.

– Это какой же спирт?

– Так тот, который положено по инструкции. Другого не бывает.

– Ну, ты нахал, однако! Бери, отливай из канистры бензин, и гуляй. Ишь, спирта ему захотелось.

– Товарищ капитан, я комбату доложу! Чем я клеммы и контакты протирать буду? Вы же знаете, бензином нельзя. Мне положено кило, вот и отливайте.

Мельников задумчиво посмотрел на летёху. Ну что с него возьмёшь? Молодой ещё. А туда же. Правду-матку ему, старику-ракетчику, режет.

– Ладно, давай тару.

Андрей Павлович заворчал, как бы нехотя, лениво, но к канистре со спиртом потянулся.

– Много вас таких. Главному инженеру дай, комбату отлей, заначку старшине оставь, тебе вот ещё налей. На всех всё одно, не хватит.

– Куда две фляги? И одной хватит.

Он медленно и аккуратно нацедил через воронку во фляжку спирт.

– Получай, и меня помни, добрый я сегодня.

Серёжа поболтал флягой. Забулькало.

– Так здесь граммов триста, не больше!

– Дуй отсюда, правдолюб. Я у тебя все акты списания и каждую позицию регламента лично проверю. Что не понятно? Ещё минута, и это отберу!

Лейтенант понял, надо уходить.

Несмотря на то, что его явно со спиртом провели, Сергей чувствовал себя победителем. Вот и он уже становится настоящим ракетчиком, «спиртяшка» в портфеле, можно и себя порадовать.

Нельзясказать, что лейтенанту выпить очень уж захотелось, нет, он к этому делу совсем не тянулся. Однако на его памяти рассказы ракетчиков о службе, вообще о ракетных буднях в той или иной мере всегда касались спирта. Ну, вот обо всём поведает в кругу коллег рассказчик, обо всем буквально, но его рассказ не рассказ, если он не вспомнит, как они однажды… А дальше, естественно, шла спиртовая история. Их, этих историй, как и армейских анекдотов, не счесть. Это как бы обязательный атрибут, украшение любой армейской байки.

Обслуживание техники шло по плану. Где бензином, ну а где спиртом, узлы и агрегаты обработаны, инженер дивизиона, начальник отделения придирчиво приняли работу лейтенанта. Комбат даже похвалил старательного офицера.

Драгоценная жидкость во фляге ещё оставалась, правда, сколько её – Сергей не знал, по бульканью и на вес, вроде как что-то было. Не будешь ведь при людях проверять, что осталось? Как-то неприлично. Оставим это занятие на потом.

Уже на квартире, переодевшись, Сережа решил всё же проверить, сколько составляет его заначка.

Перелил в стакан.

Да…

Практически всё пошло на обслуживание. Ну, видимо, утряска, усушка и так далее. Да ещё Мельников зажал. Маловато осталось…

В стакане было чуть более ста граммов спирта.

В коридоре послышался телефонный звонок.

– Серёжа, это вас – квартирная хозяйка заглянула в комнату.

– Что-то спиртным попахивает. Никак с друзьями отметились?

– Да что вы, я не пью. Вот спирт с обслуживания остался, переливаю.

– Да вы что, а у меня кончился. Даже ранку, если что, и обработать не чем. Отлейте сколько не жаль.

– Зоя Ивановна, да тут крохи совсем.

– Так мне литры и не нужны. Ладно, вот во флакончик чуть-чуть отлейте. После благотворительной акции на столе осталось граммов пятьдесят спирта. Незадача!!!

– А звонил кто, Зоя Ивановна?

– Судя по голосу, ваша знакомая, Машенька.

Сергей перезвонил подруге. Договорились встретиться. И уже на их месте, в парке, у цветочной будки, Сергей с иронией рассказал историю со спиртом. Друзья от души посмеялись.

– Послушай, Сергей, а ты знаешь, что такое кофе по-польски?

– Да откуда, просвети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.